

МИХАИЛ ЗАСКАЛЬКО

КОГДА ПРИДЁТ ЗАЦРКА

Михаил Заскалько

Когда придёт Зазирка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094785

Аннотация

Я не мастачка рассказывать истории, – у меня по сочинениям всю жизнь были чахоточные тройки, – но расскажу, как могу.

Всё началось, я думаю, с моего сна. А приснилось мне следующее: будто стою я на вершине горы, по грудь, провалившись в снег – не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой. А вокруг только белое безмолвие... Я хочу кричать, но губы выдавливают нечленораздельное сипение. И вдруг, непонятно откуда, в трёх шагах от меня на снегу появляется...деревянный кот. Я вижу его почти человеческий взгляд и... ободряющую улыбку. Кот заскользил по снегу, описывая круги вокруг меня. И снег стал опадать. Вот уже освободились руки, стало легче дышать. Кот ускорил скольженье. Когда снег опал по щиколотку, я смогла шевелить и ногами. Кот остановился, глянул на меня смеющимися глазами и сказал: «Иди за мной». Сказав, нырнул в снежную стену, а через мгновение за ним потянулась глубокая траншея.

Содержание

Часть первая. Варя	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	48
Глава 5	73
Часть вторая. Зазирка	102
Глава 6	102
Глава 7	153
Глава 8	175
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Михаил Заскалько

Когда придёт Зазирка

Часть первая. Варя

Глава 1

Я не мастачка рассказывать истории, – у меня по сочинениям всю жизнь были чахоточные тройки, – но расскажу, как могу.

Всё началось, я думаю, с моего сна. А приснилось мне следующее: будто стою я на вершине горы, по грудь, провалившись в снег – не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой. А вокруг только белое безмолвие... Я хочу кричать, но губы выжимают нечленораздельное сипение. И вдруг, непонятно откуда, в трёх шагах от меня на снегу появляется... деревянный кот. Я вижу его почти человеческий взгляд и... ободряющую улыбку. Кот заскользил по снегу, описывая круги вокруг меня. И снег стал опадать. Вот уже освободились руки, стало легче дышать. Кот ускорил скольжение. Когда снег опал по щиколотку, я смогла шевелить и ногами. Кот остановился, глянул на меня смеющимися глазами и сказал: «Иди за мной». Сказав, нырнул в снежную стену, а через мгнове-

ние за ним потянулась глубокая траншея.

Я пошла по ней. Снег под ногами был твёрдый, как лёд. С каждым метром траншея углублялась и, вскоре, её края возвышались далеко над моей головой. Внезапно свет померк, и я поняла, что уже иду не по траншее, а по туннелю. Впереди светлячком маячил кот. Я прибавила шагу. «Светлячок» помигал-помигал и погас. Я остановилась в растерянности. «Эй? – закричала. – Котик, ты где?» Впереди зашипело и... открылось окно. В туннеле стало светло, будто включили лампу дневного света. Я со всех ног кинулась на выход. Выскочила на ровную террасу, на которой сгрудились, точно окаменевшие животные, огромные валуны. Сверху у каждого величественно восседала снежная папаха. Кота нигде не было. И следов его. Я несколько раз, истерично, позвала, но в ответ ни звука. Мёртвая жуткая тишина...

Со всех сторон террасу окружали горы, утопающие в снегу. Меня захлестнуло отчаянье. Почему-то решила залезть на один из валунов. Но едва приблизилась, как вокруг всё пришло в движение: подул ветерок, и небо мгновенно стало затягивать чёрными тучами. Послышались непонятные всхлипывающие звуки.

Я глянула вверх и обомлела: надо мной кружила стая крупных, с ворону, летучих мышей.

«Разве они летают днём?» – почему-то спросила громко.

Издав скрипучий писк, мыши спикировали на меня. Я прижалась спиной к камню, принялась дико орать и махать

руками. Мышей это не остановило: они хлестали меня по голове крыльями, вцеплялись в волосы, полосовали острыми когтями руки, шею. . . . Спасая глаза, я закрыла лицо руками, опустилась на корточки. Вскоре кричать уже не могла, лишь хрипела от боли и ужаса. Кровь горячими ручейками струилась по рукам, по лицу, по шее и спине. Казалось: ещё мгновение – и я потеряю сознание.

Но. . . атаки прекратились, затем что-то плюхнулось рядом со мной – раз, другой, третий. . . Я осмелилась отнять руки и увидела у ног своих три окровавленные тушки моих обидчиков.

«Жива?» – неожиданно спросили сверху. Вздрогнула всем телом, вскинула голову: надо мной в воздухе парил. . . кот. Только теперь он был абсолютно живым котом и с птичьими крыльями. «Жива?» – повторил вопрос, забавно улыбаясь. Я кивнула. «Ты. . .» – начала и осеклась: несколько тварей пикировали на кота. Он игриво подмигнул мне, метнулся вправо, затем вверх. Минуты две с замирающим сердцем я наблюдала воздушный настоящий бой. Котик, совершая немыслимые пируэты, нападал на писклявых тварей и удачно поражал цель: окровавленные тушки градом сыпались.

«Молодец! – неожиданно для самой себя, завопила я. – Давай, котик! Мочи их!»

За моей спиной, будто газету разорвали, я обернулась и онемела: на камне стоял настоящий сказочный Змей Горыныч. Только миниатюрный, размером с гуся. Одна из голов

его пронизывала меня ледяным взглядом, парализуя все мои чувства, две другие принялись обстреливать котика огненными шарами. Моя голова отяжелела и не слушалась меня, но краем глаза видела, как эффектно увёртывался котик от шаров, продолжая сбивать мышей.

Но, видно, удача решила покинуть его: огненный шар ударил в крыло и котик, пронзительно мявкнув, рухнул в снег. И опять случилась метаморфоза: на снег упал уже... деревянный коте обугленной вмятиной на боку.

Все три головы Змея по индюшачьи победно заклекотали. Я почувствовала, как сила, сковывавшая меня, исчезла. Странно, только я почему-то отпрыгнула в сторону, захватила горсть снега, быстро слепила тугой снежок. Головы Змея удивлённо уставились на меня. Замахнулась, и... три огненных шара ударили прямо в снежок. Я заорала от дикой боли в ладони...

... От собственного крика и проснулась. Сердце бешено колотилось о рёбра, ночнушка мокрущая, хоть выжимай, голова, шея и руки ныли, точно поцарапанные.

На мой крик прибежали папка, мама и сестра Зойка. Говорят, была я в каком-то шоковом состоянии: на вопросы не отвечала, только трясла головой и руками. С трудом меня напоили успокоительной настойкой, переодели. После чего я заснула, как убитая. На часах было два ночи.

Проснулась в семь утра и, как ошпаренная, слетела с кровати: простынь была в крови!

Ночью у меня начались месячные, или, как говорят мама с Зойкой, «гости пришли». Теоретически я была готова к их приходу, поэтому сразу же взяла себя в руки, успокоилась. Отметила только, что не испытываю никакой боли и, вообще, никаких неудобств, о которых меня предупреждали, а по сути, пугали.

В ванной я обнаружила невероятное, и тотчас вспомнила сон. До мельчайших подробностей. Будто только что просмотрела фильм. А невероятным было вот что: на левой ладони, где всю мою жизнь была родинка – будто горошина чёрного перца вросла в плоть – теперь красовалось рыжее пятно, размером с двухрублёвую монету. Вся площадь пятна прошита извилистыми белыми прожилками. Если внимательно присмотреться, то пятно напоминало... кошачий след. Некоторое время я тупо смотрела в ладонь, силясь понять, что сие значит. Наконец, в моей головушке родилась успокоительная мысль: родинка моя, вследствие месячных, просто расплылась, а кошачий след... это воображение, оптический обман. Как на луну смотрят, и каждый видит на ней то, что воображение подсказывает. Я, например, иногда вижу силуэт зайца, а в другой раз – петуха.

Короче, вскоре я забыла и про сон и про пятно: проснулись мои родственники, и начался суматошный день. Через два дня Зойка выходит замуж, но весь этот месяц дома было сплошное сумашедствие, словно свадьба завтра, а у них ничегошеньки не готово. Разумеется, все как всегда при деле,

одна Варька только путается под ногами. А то, что постоянно звучит «Варька подай, Варька принеси...помой...постирай...погладь...», и Варька покорно исполняет, вроде как не в счёт. И то, что утром Варьке в школу, что приходит уставшая, что ещё домашние задания делать... ни ко го не волновало. Подумаешь, мелочи какие, когда у них событие мирового значения. И попробуй только рот открыть, мама с Зойкой такую истерику закатят, мало не покажется. Поэтому я молча терпела эту пытку, мысленно подгоняя дни: скорей бы! Тогда Зойка свалит к муженьку и дома чуточку поспокойнее будет. Жду – не дождусь...

В школе в этот день ничего примечательного не случилось. Всё, как обычно. Первые два урока я была жутко напряжена: дурочка, боялась, что кто-нибудь поймёт, что ко мне «гости пришли» и начнутся насмешки. Слава аллаху, обошлось!

Последней была химия, вернее, должна быть, но урока не было: химичка уехала на какую-то конференцию; нас отпустили. Домой я, естественно, не рвалась, поэтому неспеша побрела по проспекту: хоть на часок устроить себе крохотный отпуск. Больше не моги: чуть задержусь, мама обзвонит всех одноклассников, затем классной – почему её доча не пришла вовремя, если уроки давно закончились? Ещё бы не дёргаться: у них свадьба на носу, а ещё и конь не валялся, а эта поганка Варька (рабыня!) где-то прохлаждается. Типа

наглая такая...

Погодка выдалась недурственная: час назад прошёл дождичек, небо ещё затянуто серой пеленой, но почему-то светло, как бывает на рассвете, когда солнце только-только выскользнуло из-за горизонта. И так же свежо. Хотелось идти и идти неспеша, думать о хорошем, мечтать о приятном: унести бы подальше, хоть к чёрту на кулички, на недельку забыть свою дурацкую жизнь, школу, семью с предсвадебной истерикой... всё-всё-всё.... И просто расслабиться, отдохнуть по-человечески.... Ах! Мои бы желания да богу в уши.... Но, увы, увы!

На проспекте было людно. Тротуары узкие, приходилось всё время лавировать, дабы не столкнуться. Разумеется, в такой обстановке невозможно было расслабиться и предаться мечтам: этот нескончаемый поток прохожих рождал лишь раздражение. Чёрт, надо было пойти по Левашовскому, там всегда народу мало! Что уж теперь, не возвращаться же...

Дойдя до Большой Пушкарской, свернула. Здесь людно лишь вначале, у остановки, а далее можно сказать, пустынно. Только авто проносились с бешеной скоростью, разбрызгивая лужи с проезжей части. И вот тут случилось нечто, заставившее вновь вспомнить сон.

Дело было так. «Вольво» стального цвета неслась как на пожар, почему-то рядом с поребриком, хотя всё полотно дороги было свободно. Вдоль поребрика тянулась приличная лужа. Я вжалась в стенку, надеясь, что водитель сбавит ско-

рость, и брызги не достанут меня. Размечталась: водитель и не думал сбавлять, пронёсся стрелой, и меня окатило с ног до головы грязной водой.

– Что б у тебя колёса полопались, зараза! – крикнула я в сердцах, готовая разреветься.

Колготки промокли насквозь и тотчас стали холодными, будто из жести. Я смотрела вслед машине, отряхивалась и тихо ругалась. И вдруг... автомобиль замер, у него как-то странно хрюкнул мотор и заглох. А в следующую минуту прогремели четыре оглушительных взрыва. «Вольво» тяжело плюхнулось «брюхом» на асфальт – от колёс одно название.

– Бог шельму метит! – Я удовлетворённо рассмеялась.

Вокруг машины уже собралась толпа зевак. Внезапно меня словно опять окатило ледяной водой: а что если это не случайность, а... исполнение моего желания? Ладонь неприятно заныла. Я быстро глянула и обомлела: пятно лишь на треть было рыжим, остальная часть, огненно – красная, на глазах светлела, возвращаясь к первоначальному цвету. Точно раскалённая докрасна железка остывала... Мне стало жутко страшно: это я, я сделала!.. Просто чудо, что обошлось без аварии и жертв.

Я рванула с места и, как хороший спринтер, понеслась домой. Дома, точнее, на кухне, дым коромыслом: пришли мамы подружки, тётя Маша и тётя Катя, помогать в подготовке к свадьбе, обе курящие. Плюс папка. Ну, и Зойка за

компанию. Обещала, правда, после свадьбы бросить. На столе уже стояли четыре пустых бутылки из-под пива и ворох отходов от сушёной рыбы. Все были крайне возбуждены, в тысячный раз, уточняя список приглашённых.

Я поздоровалась и шмыгнула к себе. Швырнула сумку на кровать и рухнула в кресло – отдышаться. Чёрт возьми, что происходит?! Я что... как Зачарованные обрела Силу? Почему я, зачем?

В дверь постучались.

– Да? – нервно бросила: пока не успокоюсь, никого не хочу видеть, тем более, разговаривать.

– Варя, к тебе можно?

Папка принёс мне разогретый в ковшике суп и на тарелочке хлеб.

– Поешь у себя. На кухне, сама видела, что творится.

– Спасибо.

– Ты вся мокрая. Упала?

– Машина окатила.

– Так не сиди в сыром, живо переодевайся! Не хватало нам ещё соплей и кашлей для полного счастья.

– Не дождётесь, – ляпнула, по-моему, не к месту.

– Ловлю на слове, – усмехнулся в бороду папка. – Ладно, исчезаю.

Переодевшись, я лениво хлебала суп, – аппетита совершенно не было, – и силилась осознать случившееся. И как мне теперь жить? Конечно, вспомнился фильм «Зачарован-

ные» и сразу возник вопрос: это добрый или злой Дар? Жизнь у меня такая, что довольно часто раздражаюсь и, мысленно, кое-кому желаю неприятности. Раньше я рассыпала их, осознавая, что это только слова, сказанные в сердцах. А теперь... Контролировать себя, это и так ясно. А если потеряю контроль? Не думая, как сегодня, ляпну? Эй, вы, ау! кто всучил мне этот подарочек? Отзовитесь! Может и Хранитель мне полагается? Как Лео у Фиби, Пайпер и Пейдж? Я дважды повторила зов про себя и дважды вслух. Результат нулевой.

Вышла на кухню помыть посуду.

– О! Легка на помине. Долго жить будешь, – пьяненько хохотнула тётя Катя. – Мама тут рассказала о твоём ночном кошмаре. Давай, рассказывай подробненько, сейчас растолкую. У меня, между прочим, 88 процентов совпадений.

Я, было, отмахнулась, но они впятером, как зануды, пристали: расскажи да расскажи. Рассказала. Тётя Катя всё время делала на листочке какие-то пометки, а после, глядя в этот листок, поведала, что сон мой светлый: всё, что плохое и ужасное надо понимать наоборот. Много белого – это, конечно же, невеста, фата и всё такое. Кот-это к семейному счастью, деревянный – значит, пик счастья будет во время деревянной свадьбы. Мыши – это дети, много мышей – много детей. Летучие – значит, рано станут самостоятельными, покинут семейное гнездо. Нападают на меня – это, значит, я буду замечательная тётя и нянька. Змей-это попытка раз-

рушить брак сестры, но Варька, любящая сестрёнка, грудью встанет на защиту и своими руками спасёт его...

Зойка, разумеется, приняла всё за чистую монету и была в восторге. Мама её поддержала. Папка скептически усмехался, пряча усмешку в прокуренных усах. Я тоже смеялась про себя: толкование тёти Кати явно притянута за уши. То ли пива перебрала, то ли подруге хотелось угодить. Мне, честно говоря, всё до форточки. Племяшей я, конечно, буду любить, но вечной нянькой – увольте!

Через полчаса мои сорвались и понеслись утрясать вопрос о месте проведения свадебного торжества. Уже у двери, перебивая друг друга, мама с Зойкой выдали мне добрую сотню цэу. Говорили о маленькой просьбе, а звучало как приказ. Вам ничего не напоминает? Правильно: эпизод из Золушки, когда мачеха с дочками отправляются на бал... К сожалению, меня в ближайшем будущем не ожидал бал и всё такое. И помощников не предвидится. Хотя, из любопытства, я очень их желала. Но, увы! Пятно-родинка осталось бледным и ничегошеньки не случилось. Пришлось бедной Варварушке все просьбы-приказы выполнять самой. В поте лица. Во время работы, снова и снова перебирала детали сна и происшествия на Большой Пушкарской, тщательно анализировала: может, есть ключик истины, но я его почему-то проглядела...?

Как-то незаметно подступил вечер. Я, к собственному удивлению, справилась со всеми просьбами-приказами и, в

начале седьмого, вполне могла быть свободна. Но, увы! недописанный реферат по истории, да подготовка к сочинению по «Белым ночам» Достоевского. А головушка пухнет от мыслей, далёких от истории и Достоевского. Сплошные вопросы и ни одного ответика. Когда, в итоге, разболелась голова, я решила махнуть на всё рукой, плюнуть и забыть. Не думать! Всё! Сон— это... всё, что натолковала тётя Катя. Пятно... просто родинка рассосалась из-за месячных... «Вольво»... это обычная случайность. Дефектная иномарка не выдержала наших питерских дорог, вот колёса и отвалились. И я тут никаким боком. Всё, забыто! Ставим точку и резолюцию: «В архив».

Варька – Зачарованная... обхохочешься!..

Глава 2

Представление, именуемое свадьба, не понравилось мне с самого начала, ещё в загсе. Всё какое-то ненастоящее, наигранное. И улыбки, и оживление. Может потому, что я хорошо знала всех действующих лиц вне этого «спектакля»? И какими они будут завтра. Нет, лично я лучше никогда не выйду замуж, чем «играть» в подобной показухе.

А в кафе, где проходило торжество, вообще началась форменная обжираловка и пьяный трёп, громко именуемый «то-стами». Я с великим трудом выдержала первых полчаса, затем, воспользовавшись суетой с началом танцев, по-английски слиняла. Уходя, умудрилась прихватить три куса торта: должна я, чёрт возьми, компенсировать нервную незаслуженную встряску – меня, буквально, тошнило от этой «свадьбы».

Вечер выдался тёплый и тихий. Редкий в этом апреле. Улочка, по которой я шла в сторону Большого проспекта, была почти безлюдна. Я шла неторопясь, ела торт и отдыхала душой. За спиной что-то зашуршало и я, инстинктивно отпрянув, резко обернулась: в двух шагах сидел кот и жалобно смотрел на меня. Полосатый, как зебра, худющий и ужасно грязный, рваное ухо, свежий шрам на мордочке. Обычный подвальный кот.

– Будешь? – Я протянула ещё приличный кусок торта.

Кот судорожно сглотнул, сделал робкий шаг. Я опустилась на корточки, дотянулась до валявшейся поодаль пустой пачке из-под сигарет, и положила на неё кусок торта.

– Кушай.

Кот не заставил себя ждать и принялся, жадно, есть. Я, невольно, потянулась и погладила его замызганную спинку. Кот уркнул, перестал, есть, глянул на меня так, словно спрашивал: может, ты возьмёшь меня к себе?

– Нет, – сказала, поднимаясь. – Не могу, извини. У меня дома на дух не выносят живность. Выгонят вместе с тобой. Так что прощай.

Кот вздохнул и вернулся к еде. А я продолжила свой путь. Не знаю почему, но, отойдя шагов десять, я оглянулась: кот шёл за мной.

– Зря топаешь. Я русским языком тебе сказала: не могу взять тебя.

Кот внимательно слушал, сверля меня разномастными глазами: один жёлтый, другой изумрудный.

– Уяснил? Не ходи за мной, пожалуйста, без тебя мне тошно, – Я пошла, поглядывая через плечо: кот остался сидеть, провожая меня взглядом.

Я поравнялась со стоящим у тротуара красным «Москвичом», в приоткрытое окно вылетали звуки работающего радио:

– На студийных часах 20,45. О погоде на выходные нам расскажет...

Кто расскажет, я так и не узнала, потому что в голове у меня что-то громко звенькнуло, затем, будто стекло шмякнули об асфальт и звон, казалось, заполнил эхом каждую клеточку моего тела. Следом подступила тошнота и головокружение: перед глазами всё поплыло, закружилось. Мне показалось, что сейчас грохнусь – раскинула руки, сохраняя равновесие. Хоровод перед глазами исчез, вернее всё замерло, как стоп-кадр. Какая-то тень медленно наплывала на «картинку», подобно гусенице, методично обгрызала её. Вскоре я уже ничего не видела: сплошной мрак. А потом впереди, далеко – далеко, возникла светящаяся точка. Она двигалась навстречу мне, словно машина с включёнными фарами. Странно: по мере их приближения, меня покидали силы: я видела, смутно, свои ноги, руки, но абсолютно не ощущала их. Только зуд в том месте, где должна быть левая ладонь. «Фары» стремительно приближались и, вскоре, заполнили всё видимое пространство.

«Я, должно быть, траванулась на этой чёртовой свадьбе» – слабо шелохнулось у меня в голове. Звон исчез и тотчас ему на смену в мои уши ударил хаос звуков: голоса людей, кошачье мяуканье, хлопанье крыльев, воронье карканье и... знакомый, по сну, писк летучих мышей. А перед глазами замелькали неразличимые картинки, словно видеоплётку включили на ускоренную перемотку.

«Я умираю?!»

Внезапно мельканье кадров прекратилось, в голове что-то

щёлкнуло, и свет погас, затухая, уплывали все звуки. Воцарилась могильная тишина. И полный мрак. Единственно, что слышала и ощущала, это жгучая, как ожог, боль в ладони...

... Это длилось целую вечность. Затем, неожиданно, тишину рванул сдвоенный крик кота и воронье карканье, неведомая сила сгребла меня – я даже вскрикнуть не успела-скомкала, точно снежок, и швырнула. «А-а-а!» – запоздало завопила я, и... словно проснулась от кошмарного сна: стояла всё там же, у красного автомобиля; диктор радио напомнил, что сейчас 21 час.

Невероятно! Получается, что я стоя «проспала» 15 минут?! Головокружение и тошнота пропали, впрочем, как и приставучий кот. Голова удивительно свежа и ясна. Глянула на ладонь и, невольно, вскрикнула: пятно было сочно-розового цвета, и не просто пятно, а настоящий кошачий след. Как если бы кот ступил испачканной в розовой краске лапой. Плюнула на ладонь, энергично потёрла другой. След остался прежним, более того, издевательски заблестел, как лакированный.

«Что всё это значит?» – хотелось закричать, но я лишь растерянно огляделась по сторонам: всё на своих местах, ничего не изменилось.

Дунул ветерок, и меня обдало ознобом. Оказалось, что у меня всё нижнее бельё мокрое от пота. Не хватало, для полного счастья, простудиться! Быстро перешла улицу и, почти бегом, заспешила домой.

Дома, первым делом, наполнила ванну горячей водой, плеснула шампуня и, раздевшись, погрузилась, предвкушая долгое блаженство. Когда ещё представится такая возможность: когда все дома, только и слышу – Варька, пооди, сюда! Варька, подай! Варька, зараза, вынеси мусор! Варька... Варька... Не до купаний с блаженством: скоренько сполоснёшься, либо наспех только голову помоешь – и ладно...

Я целую вечность не чувствовала себя так хорошо!

Напевая, простирнула бельишко, затем сделала гренки, вскипятила молоко. Зойкина свадьба, эта коллективная пьянка (реалити-шоу!), в эти минуты показалась мне мелкой досадой, а происшедшее на улице давним сном. Жизнь хороша, и жить хорошо!

В дверь настойчиво зазвонили. Нехотя подошла, борясь с дилеммой: обнаруживать себя или нет? Когда звон стал бить по нервам, едва сдерживая злость, спросила:

– Кто?

– Варенька, это я, тётя Паша, с третьего этажа. Сахарку не одолжишь, хоть стаканчик?

«Опять эта, попрошайка, сколько можно!?» Очень не хотелось открывать, но ведь завтра наплачется маме, а та закатит кипеж, что её единственную подругу обижают и всё такое. Подруга – собутыльница, святой человек, обидеть не моги...

Скрепя сердцем, открыла. Едва дверь образовала щель, в

неё... прошмыгнул полосатый кот. Больше на площадке никого не было. Захлопнула дверь, повернулась: кот сидел у тумбочки с обувью и яростно скрёб лапой за ухом. Я просто опешила от такой наглости, и совершенно не знала, что предпринять. И тут... кот заговорил:

– Извини, блохи, паскуды, совсем заели. Да не хлопай ты так глазёнками, я не глюк.

– Но... ты...

– Говорю? Ерунда, привыкай. Ещё не такое увидишь и услышишь.

– Увижу...

– И увидишь и услышишь, и ручками потрогаешь. Всё, Варенька, теперь у тебя будет другая жизнь. Шумная, бурная и интересная. Как в сказке. Сейчас я плотненько поем... Ты, надеюсь, накормишь гостя?

– Гостя... – Я начинала приходиться в себя: это не глюк, не сон, это... чёрт знает что... – Колбасу будешь?

– Давай, что не жалко. Я за весь день кроме твоего бисквита какую-то гадость куснул на помойке. Молочка бы, а?

Налила в миску молока, поставила на пол. Кот принялся звучно лакать, шерсть ходила волнами, замызганный хвост нервно вздрагивал.

Я присела на стул.

– Может... тебя, и помыть, и на мягкую постельку положить?

Кот поперхнулся, утробно уркнул:

– Нет времени. Ты не расслаивайся, а собирайся. Нам к рассвету нужно быть... у чёрта на куличках.

Я окончательно пришла в себя:

– Ага, сейчас, только шнурки поглажу. С мокрой головой куда-то переться.

Кот оторвался от миски, сел, широко облизнулся. Глянул вполне человеческим взглядом, как на несмышлёныша.

– Подними левую руку на уровне глаз, – заговорил голосом воспитательницы детского сада. – Ладонью к себе. Смотри в центр пятна. У тебя оно есть?

Я кивнула, уже ничему не удивляясь. Выполнила, как просил, скорее играючи, чем всерьёз.

– Теперь скажи... как камень брось: «Чоххоч!»

– Чоххоч!

Ладони стало щекотно, будто по контуру пятна перышком проводили. Я уже готова была засмеяться, но тут на мою голову обрушился поток горячего воздуха, как если бы включили штук пять фенов. Невидимые пальцы бережно перебирали мокрые пряди. Кот оскалился в подобии улыбки, затем приступил также шумно поедать нарезанные ломтики колбасы.

Я опомниться не успела, как волосы были высушены и добротнo расчёсаны. «Фены» продолжали работать.

– Скажи: «Хоч!», если не хочешь без волос остаться, – пробурчал кот.

Я сказала – и «фены» отключились. Исчезла и щекотка в

ладони.

– Что это? – Я неотрывно смотрела на ладонь: пятно вновь потемнело, и лишь с трудом угадывался кошачий след.

– Дар.

– Дар? От тебя?

Кот издал урчание, похожее на усмешку.

– Дары, Варенька, даются свыше. А я приземлён, как и ты.

– Но здесь явно... кошачий след...

– Значит так надо. Со временем узнаешь, что и как. Моё дело доставить тебя вовремя.

– Доставить? Куда? К чёрту на кулички?

– Это образно. В деревню Яблоницы нам надо. Ты собирайся, собирайся, путь неблизкий.

– Зачем?

– Там узнаешь.

– Хорошее дело! А если я откажусь?

Кот протяжно вздохнул:

– Если тебе меня не жалко – отказывайся. Только это тебе не поможет. Я всё равно доставлю тебя. Сонную. И ты проспишь интересное путешествие. Выбирай. Да побыстрее: время уходит.

– Я не могу! Вот так сразу... всё бросить... Мне в школу завтра.

– Забудь. У тебя другая будет школа.

– А семья?

– И семья. Здесь тебя не жалуют, шпыняют, а там будут

любить и почитать. Как... царицу.

– Даже так? С трудом верится. За какие заслуги?

– Там узнаешь. Мы долго ещё будем словами дребезжать?

Не ожидал, что ты такая зануда.

– Я не зануда! Просто всё как-то... действительно... как в сказке...

– Для тебя сказка, для нас обыденная жизнь. Теперь эта сказка-жизнь станет и твоей. Всё, хватит трепаться. Одевайся.

– Что... брать с собой?

– Просто оденься и всё.

– Как скажешь, господин. Бегу, с вашего позволения.

– Не паясничай, – фыркнул кот. – Это не твоё.

– А у тебя имя есть? – спросила уже из комнаты.

– Зови, как захочешь.

– А можно... Зебриком?

– Да хоть горшком, только в печь не ставь, – умываясь, мявкнул кот.

Я надела чёрные вельветовые джинсы, бежевый лёгкий свитер с горлом, на ноги кроссовки. Волосы решила заплести в косу. И тут обнаружила неприятную странность: чуть левее пробора прядь волос, шириной в два пальца, была акварельно – белая. Она начиналась у корней и тянулась до кончиков. Видимо, «фены» перестарались и выжгли мой натуральный русый цвет. Как я ни старалась спрятать белую прядь,

коса получалась полосатой, почти как хвост у Зебрика. Ладно, пусть пока так, вернусь-закрашу. Освободила школьную сумку от учебников и тетрадей – она у меня небольшая, как дамская сумочка, – закинула в неё пакет прокладок, косметичку, плеер, пяток любимых кассет.

– Готова? – Зебрик нетерпеливо топтался у двери.

– Секундочку, – бросила, убегая в ванную за щёткой и пастой. Попутно сходила в туалет. Зебрик вслед мне мявкнул, по тону явно нелесное.

– Всё, готова.

Зебрик критически оглядел меня, протяжно вздохнул:

– Не на дискотеку зову.

– Что не так?

– Ладно, годится, – буркнул, при этом хвост его нервно шаркнул по двери.

– А что мне родителям написать? – вдруг опомнилась, уже держась за ручку двери.

– Ничего.

– Так не пойдёт. Будут беспокоиться, начнут искать...

– Как ты мне надоела! – Зебрик со злостью царапнул косяк двери. – Пиши, что хочешь! Провалилась сквозь землю, похитили пришельцы. Не ищите – бесполезно. Любящая вас, Варька – зануда.

– А когда я вернусь? – Взяла рядом с телефоном лист бумаги, ручку. – У меня на этой неделе контрольная по физике. Зебрик дико зашипел, тяпнул лапой по стене, содрал клочок

обоев:

– Достала! Не могу больше! Ты идёшь или я применяю силу?!

– Только без лап! Я тоже могу применить силу. Возьму вон швабру и... спущу по лестнице.

– Ха – ха – ха. Дико смешно. В последний раз спрашиваю: ты идёшь?

– Иду, иду! – Сунула край записки под телефон, погасила свет.

Вышли на площадку. Закрывая дверь на замок, помедлила, раздумывая: разумно ли поступаю? Что ждёт меня в неведомой деревне Яблоницы?

– Не тяни резину, Варя, – приглушённо прошипел Зебрик.

– Иду, всё. Сам-то как зануда ноешь.

Зебрик молча сиганул вниз по лестнице. Когда я вышла из подъезда, он нервно метался у подножья старого тополя.

– Тянешься, как старушенция.

– Будешь оскорблять...

– Иди за мной, – перебил Зебрик зло, блеснув разномастными глазами. Пересёк двор, скрылся под аркой проходного двора. Я прибавила шаг, вышла на соседнюю улицу. Зебрик стоял у забора, за которым уже более полугода беззаконный дом ждал капитального ремонта.

– Эти две доски отодвигаются, – фыркнул Зебрик, и юркнул в щель между ними у самой земли.

– Сюда-то зачем? – запоздало спросила. Потрогала доски:

они, действительно, отодвигались.

«Не нравится мне начало путешествия. Ещё на бомжей нарвусь...»

Пересилив страх, шагнула за забор. Весь двор был завален кучами строительного мусора. Подъезды и окна первого этажа забиты листами жести. Скучный свет с соседней улицы пятнами высвечивал рваные раны стен, и красная кирпичная кладка казалась сгустками крови. По спине побежали мурашки, а ладоням стало знобко, словно легли они на лёд. Я инстинктивно развернулась, уже готовая вернуться на улицу, но слева хлестнуло сродни змеиному шипению:

– Тебя долго ещё ждать? Иди вдоль забора.

Глянула на чуть отодвинутые доски, вздохнула, ругнув себя последними словами, и полезла по мусору вдоль забора. Пыль, древесная труха вспархивали из-под ног и лезли в рот, в нос, в глаза, но окрик Зебрика заставлял идти, не останавливаясь.

– Ты идёшь? А быстрее нельзя?

Метров через десять горы мусора отступили от забора, открылась совершенно чистая площадка. В центре её сидел Зебрик. Сюда почти не попадал свет, и кот смотрелся абсолютно чёрным. Только глаза, как два фонарика, светились.

– Тебя только за смертью посылать! – встретил меня Зебрик, выкусывая блох на плече.

– Сюда-то зачем? – вновь спросила, сплёвывая липкую слюну.

– Затем, что нас здесь никто не увидит, – Зебрик поднял мордочку кверху и некоторое время смотрел в небо. Я тоже глянула. Ничего особенного: затянуто белёсой тучей, впрочем, местами что-то посверкивало, должно быть, звёзды.

– Пора, – встрепенулся кот, прошёлся по кругу, то, выгибая спину, то, припадая к земле. Остановился, крутанул хвостом, затем резко побежал в обратную сторону. С каждым кругом, убыстряя темп и сужая круг. Оказавшись в центре, Зебрик раз пять крутанулся, точно ловил собственный хвост. Я расслабленно налегла на забор и, неожиданно для себя, разулыбалась, негромко зааплодировала.

Зебрик замер. В следующее мгновение лёгкое серебристое свечение образовалось вокруг него. Я выпрямилась, затаив дыхание. Бока Зебрика стали раздуваться, едва слышимый щелчок, и... из выпуклостей полезли, как из лопнувших почек, клейкие листочки. С каждой секундой «листочков» становилось всё больше, и завершилось действие тем, что у кота появились два... птичьих крыла, пёстрых, как у совы.

«Так и во сне было!» – ахнула я, приходя в себя.

– Смотри в ладонь, – устало скомандовал Зебрик.

Я подняла руку к лицу.

– Скажи: ДОСРУЖ! Закрой глаза!

– ДОСРУЖ! – выдохнула, невольно, сжавшись и ощупывая правой рукой бок и часть спины, в ожидании роста крыльев. Ладонке стало щекотно, затем, будто током ударило – пронзил жаркий озноб, на мгновенье голову сжало в

невидимых тисках и... рвануло за ноги, стремительно увлекло в пропасть. Тщетно пыталась закричать, открыть глаза: я просто обернулась камнем, который летел неведомо куда. Также внезапно падение прекратилось. Ощущение было такое, словно меня поймали на лету и бережно поставили на твёрдую почву. Открыла глаза: точно, стою на земле, только...

Вскинув голову, вскрикнула, грузно плюхнулась на попу: надо мной стоял огромный, как дог, крылатый кот и снисходительно ухмылялся. Вообще-то Зебрик остался прежним – это я уменьшилась до размеров мульташной Дюймовочки. Из моих 1 метр 55 сантиметров полтора метра минусовали, а вес 41 кг обернули в граммы. В общем, чуть более спичечного коробка стала.

– Малявка – козявка, – добродушно фыркнул Зебрик, меня с ног до головы обдало пылью.

– Прекрати хулиганить! – вскочила я, отряхиваясь.

– Прости, так получилось, – Зебрик лёг на землю. – Залезай.

– Что?

– Залезай, говорю, мне на спину.

– Мы что... полетим?

– Нет, на трамвае поедем! – Зебрик опять начал злиться. –

Ты полезешь или мне тебя как мышонка в зубах нести?

– Полезу, – Неуверенно приблизилась к лапище Зебрика.

– Живее! – рыкнул кот, и капля слюны больно шмякнула

меня в темечко.

Цепко хватаясь за шерсть, я неуклюже полезла. На спине было мягко и тепло. И пахло помойкой. Зебрик встал. Яглянула вниз, и тотчас под ложечкой тошнотворно засосало.

– Рванули, – не то, спрашивая, не то, давая себе команду, Зебрик взмахнул крыльями, и земля стремительно унеслась вниз. – Держись, – сквозь потоки воздуха услышала я, крепко сжала ноги, загребла в руки побольше шерсти.

Мелькнула крыша, рогатки антенн – и вот мы уже над городом. Внизу лишь светящиеся точки уличных фонарей и крохотные коробочки домов.

Глава 3

Я с пелёнок была уверена, что страх высоты – это не моё. И на «чёртовом колесе», и на колесе обозрения я чувствовала себя прекрасно. В отличие от мамы и Зойки, которые слезали зелёные, и тут же бежали в туалет. Вот и сейчас, я ощущала лишь восторг полёта. Ветер начисто сдувал запах помойки, бил в лицо и пытался растрепать мне волосы. А мне хотелось громко смеяться и дурашливо кричать, но ветер был слишком силён, что и останавливало меня от явного безумства.

Мы приближались к Пулково. Я мысленно воображала себя сидящей в седле мотоцикла, В общем, ловила кайф. Внезапно мой «мотоцикл» подбросило, как на ухабе, завалило набок: просто чудом удержалась в «седле». С Зебриком что-то было не так: его бросало в стороны, то заваливало набок, то обрушивало вниз. Чувство восторга улетучилось, ему на смену пришло раздражение.

– Алё, не дрова везёшь! – наклонилась к уху Зебрика, заорала изо всех сил.

– Мне... плохо... изжога замучила... – уловила сквозь ветер.

«Чушь какая-то. Разве у котов бывает изжога?» – подумалось, и тотчас в голове у меня зашуршало, точно конфету разворачивали, а в левой руке, там, где пятно, словно букаш-

ка заскреблась. И я услышала голос Зебрика, как если бы у меня были наушники, а его голос в записи на кассете:

– И у котов бывает изжога, если их кормят всякой гадостью. Это всё твоя колбаса.... У неё запах был несъедобный...

– Зачем ел?

– Очень кушать хотелось...

– Я, конечно, сочувствую тебе. И долго мне терпеть эту болтанку?

– Лицемерка!.. До конца пути. Желательно, молча... без тебя тошно...

Вскоре и мне стало не легче: голова кружилась, спазмы в желудке, подступающая тошнота. Плюс ко всему, ветер стал, буквально, ледяной и лицо точно задеревенело. И рада бы завопить: «Всё! не хочу! опускайся!», да ничто не слушалось – ни губы, ни мысли. В какой-то момент тошнота подкатила к горлу и застыла колючим комком. В глазах померкло, и... я элементарно вырубилась.

Очнувшись, я не сразу сообразила, где нахожусь. Даже когда глаза привыкли к окружающей темноте. Подо мной шуршала бумага, руки ощупывали со всех сторон гладкие стены. И отвратительный запах, похоже на протухшее молоко. Встала на ноги, вытянула руки вверх, но и там был гладкий вонючий потолок.

– А-а-а! – что есть мочи завопила.

– Очухалась, козявка? – тотчас услышала голос Зебрика.

– Где я? Что случилось?

– Ты в коробке из-под кефира. А случилось то, что ты плюхнулась в обморок, и мне пришлось тебя ловить в воздухе.

– Спасибо... Вытащи меня отсюда... здесь невозможно дышать...

Сверху опустилась лапа и норовила подцепить меня когтем, но я, подпрыгнув, вцепилась в шерсть:

– Поднимай!

О!!! как пьяняще сладок был первый глоток свежего воздуха! А второй...

– Где мы?!

– На свалке.

Интуитивно я и сама это поняла, ибо вдохнула такой «аромат», что меня едва не вывернуло наизнанку.

– Ты что не мог в другом месте приземлиться? Что ждём? Когда я задохнусь?! Ты...

– Не скули, – оборвал меня Зебрик таким тоном, что я не решилась продолжать: его что-то тревожило.

Удручённый Зебрик поведал: когда, невероятным образом, поймал меня почти у самой земли, я была в полной отключке. Остаток пути тащить меня в зубах не решился, из-за терзающей изжоги. Увидев свалку, приземлился. Рядом оказался пакет из-под кефира, тотчас родилось решение: меня в пакет, а его каким-либо образом закрепить на своей шее.

– А сумка? Где моя сумка?

– Ну, ты и бесстыжая, Варька... – вздохнул Зебрик. – Сумка потерялась.

– Замечательно! Отлично! У меня там вещи... необходимые...

– Плюнь и забудь. Подожди, я сейчас... поищу верёвку. Да, будешь донимать своей сумкой – исцарапаю.

Зебрик растворился в темноте. Вокруг меня высились зловонные горы мусора. Где-то слева работал трактор, а справа заливисто лаяла собака. От запахов меня мутило, даже тело, казалось, покрылось вонючей слизью. Неожиданно для самой себя, я расплакалась, проклиная и Зебрика и весь этот день. За спиной зашуршало, я дико закричала и шархнулась влево – почва из-под ног вырвалась, и я полетела куда-то вниз. Плюхнулась в жижу, отдающую болотом. Благо, оказалось мелко: почти до пояса. Руки ощупали сырую склизкую шерсть. Меня объял ужас: я в трупe животного! Мной всецело овладела истерика. Думается: глядя на меня в тот момент, можно было, не сомневаясь ставить диагноз – буйно-помешанная, опасна для окружающих...

Я не помню, как меня извлёк Зебрик, но уверена: помедли он ещё пару минут, и у меня точно поехала бы крыша, основательно и надолго.

Изгвазданная с ног до головы в грязи, вся в слезах и соплях, я медленно приходила в себя, валяясь в ногах Зебрика. Смутно помню, что он пытался достучаться до моего воспалённого сознания: просил что-то сделать. Прошла целая веч-

ность, прежде чем я услышала его. Зебрик, буквально, умолял помочь ему: у нас осталось мало времени, а лететь ещё далеко. Из-за терзаемой изжоги, он не может долго нести меня в зубах, по-этому, если я против пакета, то должна из верёвок связать нечто такое, чтобы и я была привязана, и на нём прочно сидело. Материал лежал рядом: ремешки, шпагат и кусок капронового шнура. Будь я в прежнем виде, справиться с заданием плёвое дело. Но сейчас, в образе Дюймовочки, когда обычный шпагат, как морской канат, пришлось изрядно повозиться. С горем пополам, ободрав пальцы и пообломав ногти, мне удалось связать приличную конструкцию. Впрочем, стопроцентной гарантии в её прочности не было...

– Слушай, Зеб... я точно в трупке была?

– Нет. Старый разбитый сапог. Женский, утеплённый.

– Сапог!?! – Меня внезапно разобрал гомерический смех, и я окончательно пришла в себя.

Мы снова летели. Вокруг царила ночь, над нами проплывали тёмные облака: воздух был влажный, возможно, дождь прольётся. Моё игривое настроение быстро улетучилось, и я почувствовала жуткий холод. Мокрая одежда, казалось, превратилась в ледовый панцирь. Вскоре я уже не могла шевелить ни рукой, ни ногой, губы так же одеревенели. Если бы не верёвка, обхватывающая в поясе, меня давно бы сдуло.

Зебрик спешил, ему тоже было не сладко: видимо, изжога вконец замучила. Полёт был неровный, с частыми провала-

ми в «воздушные ямы». То ли от холода, то ли от болтанки меня стало укачивать. Я не сопротивлялась, напротив, хотелось смертельно заснуть и проснуться уже на месте. А там горячая ванна... а-ах! Но вырубиться не получалось: только погружалась в сон, как очередной вираж Зебрика выдёргивал меня в ледяную действительность.

Внезапно полёт прекратился, словно Зебрик наткнулся на препятствие: мы зависли, как марионетка на нитках.

«Что случилось? – мысленно спросила. – Опять изжога?»

«Нет,» – едва слышно прошуршало в «наушниках».

Медленно планируя, Зебрик стал опускаться. Вскоре я разглядела, что внизу раскинулся лес, впрочем, он скоро оборвался и далее пошли поля, а между ними тянулась ровной ленточкой дорога. Она была пустынна. Зебрик планировал прямо на дорогу. Когда до неё оставалось метра три, он резко рванул вперёд, летя точно по центру дороги. Неужели подлетаем? Голова Зебрика мешала рассмотреть, что там впереди. Я хотела приподняться, но одеревеневшее тело не слушалось. «Подлетаем?» – мысленно послала вопрос.

Зебрик не ответил. Он неожиданно завалился набок, и стремительно стал удаляться влево от дороги. Когда он вернулся в нормальное горизонтальное положение, я увидела: примерно, в километре от нас дорога переходит в улицу деревни, деля её на две равных части. Зебрик, похоже, решил залететь в деревню со стороны леса.

«Ура! Ещё пять-десять минут и закончатся мои муче-

ния!» – внутренне ликовала я. Зебрик, видимо, испытывал тоже самое, ибо скорость полёта значительно увеличилась. Однако, по мере приближения леса, у меня закрались сомнения, что это не наша деревня. Возможно, наша там, в глубине леса. Сколько же ещё лететь?

У самой опушки Зебрик свернул направо и полетел вдоль леса. Внизу змеилась узкая дорожка, а рядом канава, заросшая разлапистым кустарником. Деревня отсюда казалась длинным поездом, кое-где в «вагонах» мерцали огоньки. Зебрик вновь повернул направо, в сторону деревни: мы летели к головным «вагонам».

Всё таки наша! Зебрик опустился ниже, почти к самой пашне. Моё горячее внутреннее ликование сказалось и внешне: я постепенно «оттаивала». Опять ощущался страшный холод, но я уже могла шевелить руками и ногами. Ничего, потерплю: вон дома – рукой подать...

И тут случилось невероятное: Зебрик резко взмыл вверх, меня швырнуло в сторону, крутануло на верёвке, сдавив живот так, что в глазах померкло. В «наушниках» зашуршало, и в барабанные перепонки ударил горячечный шепот Зебрика: «Варя, нас не пускают... Я не знаю, что делать! Опаздываю...»

Я всё ещё не могла справиться с дыханием, боль в животе захватила так, что даже мысленно не смогла ответить Зебрику. А он точно обезумел: метался из стороны в сторону, что-то непонятное кричал. Я изо всех сил пыталась усидеть

на месте, но неожиданные молниеносные выражи приводили мои старания к нулю: меня болтало и трепало, точно тряпицу на ветру. Наконец, выбившись из сил, Зебрик рухнул на пашню. Его тело сотрясилось от учащённого дыхания и... от плача. Да, он плакал навзрыд, как ребёнок от горькой обиды.

Я потянулась к его уху:

– Зеб, кто не пускает? Вот же деревня, метров триста осталось.

Зебрик судорожно всхлипнул, молча поднял лапу и, выпустив когти, ударил воздух перед собой. Лапа не опустилась, как следовало ожидать, а упёрлась, точно в стену. Перед нами была невидимая преграда! А ещё точнее: деревня находилась под незримым куполом. Теперь понятно, почему так метался Зебрик: он искал брешь.

– Что же теперь делать?

– Не ведаю...

– А те, кто послал тебя за мной, знают?

– Кабы ведали, уже дали б знать, – тяжело вздохнув, сказал Зебрик.

Я чувствовала, как во мне просыпается знакомое чувство: предвестие истерики. А потом меня осенило: что если попробовать разозлиться и пожелать, как тогда «вольве»? С трудом, но удалось подступавшую истерику преобразить в гнев и ненависть.

– Зараза, что б тебе лопнуть и развалиться на куски! – Глянув в ладонь, «швырнула» поверх неё слова, как если бы

это были камни. Ладонь запылала, как ошпаренная, в грудь что-то ударило, меня отбросило на спину Зебрика. Если бы не веревка, наверняка, отлетела бы далеко на пашню. Похоже, брошенный мною «камень» отскочил от преграды и, рикошетом, вклепил мне в грудь.

Я уже поднималась, с намерением повторить бросок, как услышала звук, похожий на треск лопнувшего стекла. Зебрик вскочил, мотнул лапой, и она беспрепятственно опустилась на пашню. С гиканьем Зебрик пробежался и взлетел.

– Получилось! – заорала я.

До деревни оставалось метров двести, когда я услышала за спиной странные звуки. Обернувшись, оцепенела: нас преследовала бесформенная масса.

– Зеб!

Вместо крика лишь шипение выдавилось сквозь онемевшие губы. А Зеб уже метнулся в сторону, но масса рассыпалась на мелкие кусочки, которые стремительно окружали нас. Спустя минуту, стало ясно, что «кусочки» – это летучие мыши. Кольцо сужалось.

«Сон в руку!» – мелькнуло у меня в мозгу. Только эти твари нападали без единого звука. Удары крыльями по голове, по лицу, следом, точно бритвой, когти полосовали открытые участки тела. Я ничего не видела, закрыв глаза руками. Тщетно Зебрик метался в крутых виражах: твари, буквально, облепили нас. Как и во сне, я ощущала кровь, что струилась по лицу, по рукам, по шее. И так же не было сил

кричать – только боль и ужас. В голове сплошной гул. На мгновение гул, словно выключили, и я услышала откуда-то издалека, едва слышно:

– Варя... ладонь... погибнем...

И снова изнуряющий гул наполнил голову, казалось: вот-вот полопаются перепонки. По лицу стали бить чаще, точно знали, что нельзя мне позволить отнять руки.

Зебрик падал. Честно скажу: мысленно я уже приготовилась к смерти. Странно только, что ощущение было полного безразличия: ну, погибну, ну, съедят меня эти твари...

Зебрик упал на лапы, не удержался и завалился набок. Верёвка сместилась, и я съехала под лапу Зебрика. Возможно, он почувствовал это: тут же повернулся на спину и стал отбиваться всеми четырьмя лапами от наседавших упырей. Я отняла руки от лица, воспользовавшись передышкой. Вокруг нас кружил рой этих тварей, посекундно атакуя бедного Зеба, который отбивал атаки лапами и хватал зубами наиболее наглых. Даже сквозь гул в голове я слышала хруст мышинных костей.

– Сволочи! Чтоб вас... – начала я, глядя в ладонь, но закончить, не успела: вцепились в волосы, дёрнули – и вот я уже в воздухе с болтающейся верёвкой на поясе. Эти твари перегрызли её. Земля и отбивающийся Зеб стремительно удалялись. Меня несли в сторону леса.

Я была в полушоковом состоянии, безвольно болталась на весу. Однако краем глаза отметила: меня сопровождает

плотное кольцо мышей. Значит, они бросили Зеба, добились цели и возвращаются с победой к тому, кто их послал. Внезапно меня, будто с силой встряхнули за плечи: «Дура! чего ждёшь: руки-то у тебя свободные?!»

– Гады! Сволочи! Чтоб у вас глаза повылазили! Чтоб вас в ключья разорвало!

Ожгло руку внутренним огнём, затем хлопок – и я, забрызганная чем-то гадким, кверхтормашками полетела вниз. Мелькнуло в голове: «Всё! Варька, счас от тебя будет оладушка...»

Но не суждено было Варьке разбиться в оладушку: у самой земли, в прыжке, поймал меня Зебрик. Всхлипывая, как ребёнок, уставший плакать, он энергично принялся вылизывать меня, как кошка-мать новорождённого котёнка.

– Всё! хватит! Прекрати!

– Я думал... думал... потерял тебя...

– И потеряешь, если не доставишь, куда надо.

– Рванули!

И вот я снова на загривке Зебрика. Иссечённые и избитые лицо, руки, голова саднили. Расслабленность повлекла за собой усталость: веки отяжелели, меня клонило в сон. Цепко держась за шерсть Зеба, поминутно трясла головой, стращивая сонливость.

До деревни оставалось совсем ничего, метров сто, когда Зебрик, вдруг, странно дёрнулся и стал падать. Мою сонливость как ветром сдуло.

– Что? Опять не пускают?

Зебрик не ответил: ударился о землю грудью, перевернулся – меня камнем швырнуло вперёд. Упала удачно: в яму, на дне которой был клочок перезимовавшей прелой соломы. Яма, конечно, сказано громко – для прежней Варьки ростом в полтора метра, это просто выемка размером с обычную суповую тарелку, для Дюймовочки – яма. Выбраться из неё оказалось нелёгким делом: края ямы рыхлые, всё время осыпались, увлекая меня на дно. Вспомнился кадр из фильма о животных: букашка попала в песчаную ямку и тщетно пытается выбраться, но песок осыпается, букашка снова и снова оказывается на дне. А потом дно оживает: появляется страшная голова – и букашке каюк. Сейчас я была как та букашка: все мои попытки оканчивались неудачей. Я уже ревела в голос, звала Зеба, но, увы...

Комок земли, величиной с кулак обычной Варьки, оторвался и сбил меня с ног. Я вновь оказалась на дне, да ещё комок, зараза, придавил ноги. Изматывая последние силы, истерично колошматила его кулаками, но только поднимала пыль и утомляла руки. Обессилев, упала, сотрясаясь от плача. Небо, до этого затянутое белёсой пеленой, светлело: пелена лопалась, и прорехи расползались. Словно кто-то там наверху гневно раздирал полог, скрывавший от него нечто важное. Вскоре от пелены не осталось и следа, глазам предстало чистое звёздное полотно. И месяц, заглядывавший в яму, где уже тихо – сил не осталось – скулила Варька

– Дюймовочка. Месяц иронично усмехался, выпячивая острый подбородок. От чего мне стало ещё горше...

Сверху послышался шум, как если бы по земле тащили бревно. Края моей ямы стали осыпаться, заваливая меня землёй. Задёргалась, как безумная, дико закричала. На яму напозала огромная тень. Меня охватил невиданный ужас. «Всё, сейчас засыпят, точно картофелину при посадке...» – трепыхнулось на задворках сознания. Тень закрыла небо, в яме образовался мрак. Земля продолжала осыпаться, по пояс я уже была капитально упакована. И вдруг на меня опустилось нечто – почудилось, бревно, – и окончательно вдавило в грунт. На поверхности осталась лишь рука. Задыхаясь, заколотила этой рукой по «бревну». «ШЕРСТЬ?! ЭТО ЖЕ ЛАПА ЗЕБРИКАМ!» Стала хватать за шерсть, дёргать её. Лапа приподнялась – рука моя нащупала прижатый коготь. Вцепилась намертво, резко качнула – лапа потянулась вверх, выдёргивая меня из земли, как морковину.

Да, это был Зебрик! Мой славный котик, трижды спасший меня от гибели! Он лежал у края ямы, уронив голову между лап. Я, в каком-то болезненном возбуждении, ползала по его мордочке, целуя каждую шерстинку, рассыпая благодарности и ласкательные слова. Зебрик тяжело вздохнул, и моя нездоровая эйфория улетела вместе с его выдохом: он был пугающе обездвижен, глаза закрыты.

– Зеб, алё, ты чего? Что ещё случилось?

Он не шелохнулся. Добралась до его уха и повторила во-

прос в самую раковину. Его тело дрогнуло мелкой дрожью, рот приоткрылся, выдавив пару непонятных слов. Я спустилась к самым губам, приникла к ним и услышала далеко-далеко знакомый голос. Он с трудом пробивался сквозь хрипы и шипение. Так бывает при плохой связи с междугородним телефоном.

– Иди... прямо... только прямо... там речка и мосток... за ним ворота... на них колокольчик без языка.... Тронь его... тебя встретят.... Поспеши!..

– А ты? Что с тобой?

– Со мной... всё....Опоздал... Прощай, Вар... – Это были последние его слова: я опомниться не успела, как вместо тёплого Зебрика... оказалась холодная деревянная скульптура кота.

«Опять сон в руку,»– вяло трепыхнулось в голове.

Что было потом, помню смутно. Кажется, наревелась до икоты... и непривычно болело в груди, там, где сердце... Мне ещё не случалось терять близких и родных, да и мёртвых я видела только мух, комаров и тараканов. И вот случилось... Зебрик, с которым мы провели несколько часов, который трижды спас меня от смерти... стал мне роднее родного. Я это поняла тотчас, едва осознала, что Зебрик умер. Я обливалась слезами его деревянную мордочку, а в ушах звучал насмешливый и такой родной голос: «Козывка...» И становилось ещё больнее и трудно дышать...

В какой-то момент я вспомнила о Даре, но все попытки

оживить Зебрика оказались тщетны. Помнится, впервые в жизни я употребила матерные слова, все, какие слышала когда-либо: взобравшись на спину Зебрика, кричала-ругалась до хрипоты, захлебываясь слезами, неведомому дарителю – зачем мне Дар, если я не могу оживить родное существо? заberi Дар назад и верни жизнь Зебу!..

Меня никто не услышал, не отозвался, только в голове, как метроном, застучало: поспеши, поспеши, поспеши... Стоп! Может, действительно, надо поспешить, может там, где меня ждут, помогут Зебрику?

Легко сказать – труднее сделать. Будь я прежней, расстояние до деревни преодолела бы за считанные минуты, но в образе Дюймовочки сто метров выростали в километры по пересечённой местности: ямы, глубокие овраги, травяные джунгли. Путь оказался во много раз сложнее, чем я представляла. Даже небольшой отрезок пашни требовал огромных усилий. А сил-то у меня совсем не осталось: усталое, избитое и кровоточащее тело протестовало движению. Оно хотело лечь и заснуть. Пожалуй, только огромное желание побыстрее добраться к тем, кто вернёт жизнь Зебрику, тянуло и толкало моё безвольное тело.

Пашня предстала горами, где было всё: пологие и крутые подъёмы-спуски, «ущелья» со столешницу и «марсианские плато». Впрочем, – к счастью! – в «горах» не было рек и озёр. Спустя вечность, «горы» плавно перешли в «долину». Я чуточку передохнула, восстановила дыхание и тронулась даль-

ше. В непролазные травяные джунгли. Свежая трава доходила мне до плеч, а прошлогодняя, сухая, как корабельные сосны, уходила далеко в небо. Я продиралась, как могла. Часто падала, удваивая раз за разом количество ушибов и порезов. Плакать уже не было сил, да и слёзы иссякли. Во рту пересохло, горло при каждом вдохе, будто наждачкой шоркали. В носу свербело, даже чихнуть не получалось. Болели глаза, в уголках нудно щипало. «Зебрик... Зебрик... «– странно, точно со стороны слышала свой голос. Ощущение полное: в горячке бредит...

Не знаю, не могу объяснить, как преодолела «джунгли» и вышла в «степь». Даже не обрадовалась-опустилась кулем и долго тупо сидела в траве. Когда почувствовала, что сон овладевает мной, каким-то образом встряхнулась, поднялась.

«Зебрик... Поспешите... «– губы вновь и вновь выдавливали эти два слова и, словно, две руки толкали меня в спину.

Молодая трава здесь была намного выше и толще, местами я, как «козявка», на четвереньках продиралась сквозь заросли. Внизу оказался слой пепла от сгоревшей прошлогодней травы, я изрядно измазалась в саже и наглоталась её.

Неожиданно я уткнулась в камень, он лишь частично высовывался из земли, но был велик для Варьки – Дюймовочки. Стала обходить его, как высокий бетонный забор. Стоп! вот здесь, пожалуй, можно взобраться на покосившийся «забор» и глянуть: не сбилась, всё ещё прямо иду и далеко ли

до мостка.

Взобралась с четвёртого раза. Не сразу – глаза опять слезились – рассмотрела перспективу. У-Р-Р-РА! Мосток был рядом, под ним сонно бормотала речка – река.

Не помню, как слетела с «забора». Опять вернулись слёзы и потекли ручьями. Следом вернулась чувствительность тела: боже, на нём, казалось, не осталось здоровой клеточки! – сплошная ноющая рана... Удивительно, только в эти, последние минуты, почему-то, чем больше было рукам и ногам, тем крепче они становились.

Внезапно трава расступилась, и я вывалилась на тропинку – для меня настоящая дорога. До мостка уже бежала, охая и морщась от боли в ступнях и коленях. Вот и ворота! Колокольчик – колокол висит высоко, рядом с ручкой калитки. Подобрала несколько камушков, попыталась попасть, но, увы! пальцы плохо слушались. Пришлось лезть на ворота. Здесь мне очень помогли поперечные трещины в досках. Не обошлось без заноз, но в эти минуты я, словно, забыла о себе: там, на пашне, ждёт Зебрик, нужно спешить...

Смутно помню, как доцарапалась до колокола, толкнула его от себя, он подался легко, тихо скрипнув, и вернулся...смахнув меня, как муху. Я полетела вниз...

Глава 4

Проснулась я от грома. Это мне так показалось: на самом деле, это был грохот упавшего ведра в сенях.

Я не сразу сообразила, где я: в голове почему-то всё путалось и мельтешило. Надо мной потолок, некогда белый, а теперь желтоватый, в рыжих пятнах и разводах, в центре тускло светится запылённая лампочка. Я хотела приподняться и не смогла: что-то прочно держало меня за шею. Точно мягкий мохеровый воротник свитера, внутри которого металлическое кольцо. Тело, от шеи и до кончиков пальцев на ногах, находилось в каком-то желе. Я это ощущала кожей, ибо была абсолютно голая. Перевела взгляд с потолка на стену: старый с облупленной краской сервант, за стеклом горки тарелок, чайные сервизы и масса разных фаянсовых статуэток. Слева от серванта другая стена – он стоял в углу. На стене электросчётчик, чуть ниже его проволочная сушилка для тарелок, тесно заставленная посудой. Далее – окно, на подоконнике череда баночек и горшочков с всевозможными растениями. Справа от серванта дверной проём, непривычно широкий. Дверь окрашена в тёмно-красный цвет. Сразу за ней прибит к стене сухая ветка, на ней чучело птицы. Кажется, удада. Далее, перпендикулярно стене, длинная занавеска. Куда она уходила, я не могла видеть: шейный корсет не позволял вертеть головой.

Ниже чучела располагались небольшое круглое зеркало, полочка для мыла, рукомойник и раковина. Первоначально, лишь скользнув взглядом по зеркалу, я отметила нечто знакомое. Вернулась, всмотревшись пристальнее: «нечто» оказалось моей головой – она торчала в центре крышки, а всё остальное было в коробке из-под мягкого масла, дико рекламируемого по телику. Коробка стояла на столе, застеленном цветастой клеёнкой.

ЧТО ВСЁ ЭТО ЗНАЧИТ?! Я дёрнулась изо всех сил, но лишь причинила боль шее. Тело свободно бултыхалось в вязкой жидкости.

– Ау! Есть тут кто? – Мне, казалось, что закричала очень громко, однако услышала только сиплый писк. Повторила – тот же результат.

«Я – «голова профессора Доуэля?» Если это кошмарный сон, тогда почему в шее настоящая боль?»

Дверь тяжело вздохнула и открылась: в комнату вошла... великанша. Женщина была очень стара: дряблое морщинистое лицо, впалый рот. Голова повязана линиялым зелёным платком, концы платка связаны под массивным сухим подбородком. На старухе была светло-коричневая куртка с нашивкой на предплечье, которые обычно носят рабочие. Кажется, робой называется.

Старуха замерла спиной ко мне, послышалось металлическое звяканье и плеск воды: руки моет. Затем она прошуршала чем-то и подошла к столу. Рядом с моей коробкой по-

явился стакан с зеленовато-оранжевой жидкостью.

Я затаила дыхание и, чуть прикрыв глаза, наблюдала за старухой. Она отошла к серванту, что-то взяла там и вернулась. Громыкнула стулом, подвигая поближе, села. Склонившись, достала из-под стола и поставила на стол высокую закопчённую кастрюлю, дном вверх.

– Ну, дочка, хватит щуриться и притворяться спящей. Я, как вошла, поняла: не спишь, – говоря это, старуха подняла коробку со мной и поставила на кастрюлю. Теперь я находилась на уровне её лица. – Как горлышко? Пересохло? – Старуха надела очки, одной рукой приподняла стакан, в другой у неё была... пипетка. Мягкий, успокаивающий голос старухи и её бесцветные глаза за стёклами очков, излучавшие тепло и что-то ещё хорошее, незнакомое мне... В общем, расположили меня к хозяйке с наилучшей стороны. Я открыла глаза и поздоровалась, но опять услышала лишь сипение.

– Погодь, погодь, дочка, сейчас наладим голосок. Открой ротик.

Меня поили как беспомощного птенца. Я судорожно глотала падающие капли, не ощущая ни вкуса, ни запаха жидкости. Они проявлялись постепенно, капельным путём. Когда, наконец, восстановились обоняние и вкусовые ощущения, я бы затруднилась сточным определением: жидкость не имела одного вкуса и одного запаха – это было нечто вроде ассорти, коктейля. Главное, что глотать было приятно. А вскоре я обрела голос и нормальное ощущение тела, здорового

и полного сил. И, разумеется, всё сразу вспомнила: Зебрик, полёт... Я стала говорить, быстро, слишком быстро: получалось сбивчиво и непонятно.

– Погодь, тархтелка. Не стрекочи, вразумительно растолкуй.

– Извините, я боюсь не успеть. Там, на пашне, Зебрик... он стал деревянный...

– Опоздал, сердешный. Что поделаешь, доля его такая...

– Вы не поможете ему?!

– Я бы рада, детка, но не в моих силах. Чужое проклятье на Пёстром, не мне его и снимать. Ты лучше поведай, как он тебя оборотил в кроху.

Я подробно рассказала, что и как было во дворе за забором. Старуха слушала очень внимательно, кивая головой.

– Так... И какое же словцо велел сказать?

– Слово... Я... забыла... Не помню!

– Ладно, не печалься, это полбеды, – успокоила меня старуха. – Скумекаем.

– А Зебрику... вообще можно помочь?

– Не ведаю, детка.

– Но вы же эта... колдунья, да?

– Я была когда-то ворожеей, да вся вышла. Что мы всё лясы точим, тебя пора вынимать.

– А что со мной не так?

Кроме многочисленных синяков и порезов, я, падая с ворот, прибавила сотрясение мозга и вывих обеих рук в лок-

тях. Вот и плаваю второй час в целебно-восстановительном растворе.

Баба Нюра – так просила называть себя старуха – поставила на табурет тазик, налила в него тёплой воды, затем осторожно освободила меня от жёсткого «ошейника».

– Забирайся, – подставила крупную цвета варёного «в мундире» картофеля ладонь. Страшно стыдясь своей наготы, липкая, словно ягода из варенья, скользнула я в руку бабы Нюры. И тотчас оказалась в воде. Тазик представлял сейчас для меня приличный бассейн. Баба Нюра пинцетом отщипнула от куска мыла крошку, протянула мне: – Хлюпайся, не буду стоять над душой.

Она вышла. Я с огромнейшим наслаждением принялась хлюпаться. Вроде ничего особенного: вода, мыло... но ощущения такие... такие, что словами не передать. Такое блаженство... просто, супер – супер!

Баба Нюра вернулась как раз в тот момент, когда я начала терзаться: пора бы и ополоснуться, но как?

– Готова? Счас, погодь, – Баба Нюра опустила в тазик широкую дощечку, велела забраться на неё. Я оказалась на довольно устойчивом плоту. Черпая столовой ложкой из ковшика воду, баба Нюра, радушно улыбаясь, стала поливать меня: – С гуся вода, с Варюшки хворобы и напасти!

Она говорила что-то ещё напевное, но я разобрала только эту фразу. Закончив ополаскивание, баба Нюра метнулась к печке, в которой слишком громко для меня потрескива-

ли дрова, сдёрнула с верёвки махровое полотенце, чертыхнулась: – Тьфу, дура баба! Это ж для тебя, что ковром утираться. Погодь чуток. – Скрылась в комнате, где тотчас за скрипела дверца, видимо, шкафа. – Бегу, бегу! Не захохотнула? – спросила, расстилая на столе обычный носовой платок. В следующее мгновение оказалась я на нём. – Утирайся.

Оделась я в свою одежду, чистую и тёплую. Правда, местами рваную, оно и понятно: баба Нюра, при всём желании, не могла её починить – слишком мала. Пока я сушила волосы у дверцы печи, сидя на горе из поленьев, баба Нюра колдовала у стола, сооружая для меня обеденный стол из спичечных коробков: два коробка, сверху белый лоскуток-стол и скатерть, коробок, застеленный куском зелёного плюша – тахта. Роль тарелки досталась чайной ложке, которой обломили ручку. Ошпаренная кипятком и заострённая спичка-вилка.

Уже сидя за накрытым столом, я впервые обратила внимание на будильник за стеклом серванта: четверть третьего ночи. Значит, прошло четыре часа с момента нашего с Зебриком вылета из Питера. Ночь в разгаре, вроде не время для еды, но чувство голода было такое, будто сейчас середина дня, а с утра маковой росинки во рту не было.

– Кушай. Плотно кушай. Когда следующий раз будет – неведомо. Пойду во двор, гляну: запаздывают твои спутники. А ты шибче жуй, думать опосля будешь.

Не успела я осознать сказанного, как баба Нюра вышла.

Сопутники – от слова «путь»? Что это значит? Ещё не конец пути? Получается так... А про еду, что следующий раз неизвестно когда поем, как понимать? Стоп, Варька, баба Нюра права: сначала поесть, потом думать, что и как. Хоть и пропал аппетит. Чем нас потчуют? Картошка с куриным мясом, солёные огурчики и квашеная капуста малинового цвета с кусочками столовой свёклы. Отдельно, в розетке, кажется, студень. Хлеб порезан крохотными кубиками. Верно, говорят, что аппетит приходит во время еды: если поначалу мне показалось, что еды слишком много, то вскоре я поняла – приговорю всё без напряжения.

Я уже заканчивала, когда за окном что-то зашуршало, и неподалеку залаяла собака. Затем заговорила баба Нюра, но слов я не разобрала. Любопытство толкнуло меня к окну: перепрыгивая с горшка на горшок, продравшись сквозь густой куст «мокрого Ваньки», я приникла к стеклу. Освещенный лунным светом дворик, огранённый ещё голым кустарником, в центре крутилось зелёное облачко. Баба Нюра стояла на крыльце с вытянутыми руками, точно выгадывала момент кинуться и остановить верчение облачка. А оно, вдруг, само замерло, помедлило секунду-другую и стало опадать, растекаясь по земле. Через минуту от него не осталось и следа, а на земле... стояли мальчишка и чисто серый кот. Баба Нюра что-то спросила, ей ответили. И все трое скрылись за дверью веранды. В сенях ещё некоторое время слышались голоса, шаги. Я вернулась на своё место. Скрипнув, дверь

распахнулась, пропуская сначала мальчишку, затем хозяйку.

– Не разувайся. Мой руки, и садай к столу.

– Мне только чаю, – глухо ломающимся голосом сказал мальчишка, снимая с плеча чёрную пузатую сумку. Повесив её на гвоздь, рядом с сервантом, подошёл к рукомойнику. Со спины мальчишка походил на угловатую девчонку, шапка пышных русых волос, с завитками, увеличивала сходство. Мальчишка был на голову выше меня, той, настоящей. Одет в заношенный джинсовый костюм, под курткой рубашка в сине-чёрную клетку, на ногах простенькие кроссовки.

В дверь заскреблись. Мальчишка, не отрываясь от рукомойника, ногой приоткрыл дверь: в щель проскочил серый кот. По сравнению с Зебриком, этот был красавцем. Симпатичная мордочка, в меру упитан и ухожен. Баба Нюра суетливо наполнила миску едой, поставила рядом с печкой.

– Ешь, – погладила кота по спине. – Успел. Я уж боялась, что разделишь судьбу Пёстрого. Не повезло, бедняге.

Кот уркнул в ответ и принялся, жадно, есть.

– Сынок, как покушаешь, сходим, тут недалече. Подмогнёшь мне.

– Хорошо, – мальчишка вытер руки, подошёл к столу и застыл, увидев меня.

– Ах, да, сынок, замешкалась я, – подошла баба Нюра. – Знакомьтесь. Это Варюшка, с Пёстрым у них незадача вышла... А это Вадик. Садись, садись, нет у нас, сынок, времени прохлаждаться.

Вадик опустил на табурет, искоса поглядывая в мою сторону.

– Что ж ты худющий такой? Мало кушаешь? – спросила баба Нюра, ставя перед ним тарелку с картошкой.

Вадик что-то буркнул под нос. Он действительно был худоват: впалые щёки, заострившийся подбородок с уже не детским пушком, а взрослой щетиной. Густые пышные брови, насупленный взгляд карих глаз. Если со спины он походил на девчонку-пятиклассницу, то спереди выглядел на все восемнадцать. Или нет, скорее на моего ровесника, но повзрослевшего вследствие трудной жизни. По-моему, ерунда какая-то, но почему-то подумалось в тот момент именно это. И ещё посетила мыслишка: может, болезнь... Тьфу на тебя, Варька! ещё накаркаешь...

Вадик ел неторопливо и, я бы сказала, красиво. Чувствовалось: это не временное, не из желания показать себя с лучшей стороны, а естественные его поведение и манеры. Задумчиво смотрел в тарелку и, похоже, в мыслях был где-то далеко отсюда, руки же просто выполняли привычную работу. Кстати, о работе: судя по его рукам, мальчишка не белоручка.

Баба Нюра, всё время что-то бормоча под нос, поминутно выходила на крыльцо. Значит, ждёт ещё гостей. И они запаздывают.

– Спасибо, – поднялся Вадик, отнёс грязную посуду в раковину, взял губку и кусок мыла.

– Оставь, я вымою, – остановила его хозяйка.

– Тогда, может, сходим, куда говорили? – Вадик вытер руки, достал из кармашка сумки пачку сигарет и зажигалку.

Баба Нюра глянула на меня, на окно, тяжело вздохнула:

– Пойдём.

Однако к двери первым метнулся Серый, широко и само-довольно облизываясь.

– Ты куда наострился?

– Так... это... как обычно.

– У тебя время последние минутки отщёлкивает...

– Знаю! Так не отнимай и их. Следующий раз, знаешь, когда будет?

– А коль не поспеешь?

– Поспею, – Серый упёрся лбом в дверь и она, скрипнув, приоткрылась – кот сиганул в щель.

– От гулёна! Каждый раз приползает весь ободранный. Всё неймётся, старый ловелас.

– Сколько ему? – спросил Вадик, разминая сигарету и, искоса, поглядывая на меня.

– А шут его знает. Они мне в наследство достались, от прежней. Я уж, почитай, третий век завершаю.

– Третий... что? Век?? – Вадик недоверчиво глянул на бабу Нюру.

– Третий, милоч, третий. Вот вас провожу, и буду ждать смену. Варюшка, доченька, ты уж поскучай одна. Мы мигом обернёмся.

Оставшись одна, я соскочила с «тахты», прошлась по столу, разминая ноги. Голова пухла от вопросов, на которые не было ответов. Пока не было. Зачем я здесь и почему именно мне всучили этот... Дар? Даже не удосужились поинтересоваться: а хочу ли я? нужен ли он мне? Кто третий: мальчишка? девчонка? взрослый? Куда собирается «проводить» нас баба Нюра? и как надолго? Могу ли я отказаться, если что-то меня не устроит?

В уличную дверь забарабанили. Я метнулась к окну, но опоздала: кто-то уже вошёл на веранду. Тяжёлые шаги приблизились к двери, и она сотряслась от удара. Я, инстинктивно, спряталась в кусте герани. В следующую секунду дверь резко распахнулась, и в комнату ввалился увалень. Первое, что я увидела сквозь листья, это – пухлая рука, держащая за хвост деревянного кота. Зебрик?! Я отодвинула мешавший обзору лист герани, и крик ужаса комом застрял в горле: это был Вадик, но какой... Его, будто, воздухом накачали, как резиновую куклу... «Вадик» небрежно бросил Зебрика на дрова, окликнул:

– Хозяйка, алё?

Я медленно приходила в себя, осознавая: это не Вадик и кот не Зебрик. А кто? Третий? Или это какая-то колдовская штучка? Иначе, зачем делать такую... уродливую копию Вадика?

Лже-Вадик протопал в другую комнату и, не обнаружив хозяйку, громко выматерился. Вернувшись, подошёл к сто-

ду, отломив полбатона, стал есть, неприятно чавкая. Наклонился, внимательно рассматривая мою «мебель».

– Прикольно, – хмыкнув, щелчком разрушил «тахту». Прошёл к печке, загремел крышками, заглядывая в кастрюли и сковородки. Вернулся к столу со сковородой, которая наполовину была заполнена всё той же картошкой с курятиной. Ел Лже – Вадик шумно, торопливо, осматриваясь по сторонам. Задержал взгляд на чучеле удода, затем, скатав шарик из хлеба, метнул в него. Попал в голову, удовлетворённо гоготнул. Опустошив сковороду, продолжал жевать остаток булки.

– А пивка нет? – Не дождавшись ответа, вернул сковороду на место, вновь загремел крышками.

«Проглот, неужели ещё не наелся?!» С каждой секундой моя неприязнь к нему увеличивалась. Прямо руки чесались врезать чем-нибудь тяжёлым по этой квадратной спине, обтянутой кожаной курткой. Или хлестнуть прутом по раздувшейся заднице.

Вновь ругнувшись, Проглот грохнул очередной крышкой и вышел вон, оставив дверь приоткрытой. Я облегчённо передохнула, размяла затёкшие ноги и спину.

В сенях хлопнуло, похоже, дверца холодильника. Вернулся Проглот, неся в руках трёхлитровую банку с квашеной капустой и пластиковую бутылку с растительным маслом.

«Чтоб ты лопнул, обжора,» – искренне пожелала я, когда Проглот, наложив в тарелку капусту и обильно полив мас-

лом, принялся есть. Конечно же, ничего с ним не случилось, ибо я желала без злости и не смотрела в ладонь.

Внезапно Проглот замер, с полным ртом и глядя на окно. Я затаила дыхание. Проглот судорожно глотнул, его пухлые пальцы ковырнули из батона мякоть, стали мять, как пластилин. Продолжая пристально смотреть на окно, Проглот скатал шарик. И тут меня ожгло догадкой: шарик предназначен мне! Но предпринять что-либо не успела: обрывая листья на пути, шарик шмякнул меня в грудь, в лицо, отбросил в угол окна. Я ударилась головой о раму и сползла вниз, под щербатое блюдо, на котором стоял горшок с растением.

«Ну, обжора, я тебе этого не прощу!» – только и успела подумать: перед глазами всё поплыло, голова наполнилась монотонным усыпляющим звоном, и я плавно заскользила в бездонную пропасть...

... Очнулась я от острой боли, она была всюду: в ногах, в руках, в шее. Будто кусали меня. С великим трудом разлепила налившиеся свинцовой тяжестью веки и – О, ужас! – меня... ели тараканы. Да, да, те самые твари, которых мы постоянно где-нибудь встречаем. Сейчас для меня они были велики, как для обычной Варьки, например, крысы. Видимо, эти твари, обнаружив меня бесчувственную, решили, что нашли добрый кусок еды. Разумеется, я вскочила как ошпаренная, отпрянула к стене. Трясло, как в лихорадке. За ближайшим горшком зашуршали, я в панике, стала спешно отступать вдоль стены. Неожиданно стена оборвалась –

кончился подоконник – и я полетела вниз. К счастью, у окна стояла длинная скамья, а на ней лежала тряпка, что-то вроде вязаной жилетки. Это смягчило моё «приземление». Выбираясь из глубокой складки, не заметила, как оказалась у самого края скамьи. Запоздало попыталась рвануть назад, но, увы! притяжение пола оказалось сильнее. По закону подлости, стоявшие под скамейкой тапки находились чуточку в стороне: я как лягушонок шмякнулась на крашенные доски. Надо сказать, удачно: ничего не сломала, не вывихнула. Но сильно зашибла руки и колени. Ужас, очевидно, выветрился во время падения – ему на смену пришла истерика. Растирая поочерёдно руки и колени, ревела, ругалась, проклиная всё на свете. Невыносимо хотелось домой... Лучше пьяная мать, вечно хмурый молчащий папка, несносная придира сестра, чем эти нескончаемые падения. Сколько можно?! Во имя чего эти муки и боли? Эй, вы там, к чёрту ваш Дар – НЕ ХОЧУ!!! Забирайте назад и верните меня домой! ХОЧУ ДОМОЙ!!! ХОЧУ ДОМОЙ!!!

Боль поутихла, и истерика пошла на убыль, а может, я просто устала. Баба Нюра и Вадик ещё не вернулись. Не слышно было и Проглота. Только в соседней комнате что-то похрипывало. Я решила пройти вдоль стены к дверному проёму. Дверь здесь вообще отсутствовала: её заменяли две занавески из цветастого плотного полотна. Отодвинуть край мне не удалось (не по силам), пришлось идти на середину порога, где занавески неплотно приникали друг к другу, об-

разуя щель.

На диване спал Проглот, небрежно развалившись, и протяжно храпел.

«Пожрал и в тряпки, дебил какой-то. Нет, тут определённо, колдовской умысел: кто-то хочет зло посмеяться над Вадиком. Ты худой и тонкий – будешь толстый и жирный. У тебя одёжка ношенная – переносенная – заменим на шмотки фирменные, новёхонькие. Что получилось? Умора! Обхохочешься! Видок, действительно, ещё тот... Но зачем? Стоп! а что если те, кто пытался похитить меня над пашней, захватили третьего... сотворили это «чудо в перьях» и выдали, как оригинал?! Чтобы сорвать планы бабы Нюры... Тогда... «-Я не успела завершить мысль: в сенях послышались шаги и в комнату вошли баба Нюра с Вадиком. Последний бережно нёс на руках деревянного Зебрика.

– А вот и мы... – начала и осеклась баба Нюра: она смотрела на стол, где мой след простыл. – Батюшки! девонька, где ты? Не дай, боже, за стол угодила: там же пыли, почитай, метровый слой. – Метнулась в сени, вернулась с переноской – лампочка с длинным проводом и вилкой на конце, – включила в сеть. Вадик положил Зебрика на дрова, взял у бабы Нюры лампочку и сунулся под стол. Всё это время я пыталась привлечь их внимание: кричала, топала ногами, но в их шуме моя мышинная возня просто тонула.

Баба Нюра тоже опустилась на колени, полезла под стол. С одной стороны, это выглядело смешно, с другой... Я даже

прослезилась от чувства благодарности: чужие, в сущности, люди так беспокоятся обо мне, что готовы ползать на коленях, глотать пыль...

Мне оставалось только приблизиться к ним, физически привлечь внимание, но... Интуитивно, я сообразила, что это небезопасно: переговариваясь, Вадик и баба Нюра ежесекундно меняли положение тела, и могли элементарно придавить меня, не заметив. Значит, надо добраться туда, где меня ищут: под стол. Я двинулась, и как раз вовремя: там, где только что стояла, оказался бело-синий кроссовок Проглота.

– Алё, хозяйева, чё за фигня? Обещали пиво...

Я юркнула под скамейку. Вадик и баба Нюра резко выдернулись из-под стола-при этом взорвалась лампочка, – и так и сели, поражённые увиденным.

Проглот тоже обалдело взирал на Вадика и беззвучно ловил воздух открытым ртом. Воцарилась гнетущая пауза.

– Чё за фигня!? – первым пришёл в себя Проглот. – Это чё... клон?

Баба Нюра засуетилась, пытаясь подняться.

– Сам ты клон, жирдяй, – в полголоса бросил Вадик, вскочил, помог подняться хозяйке.

– Кто жирдяй? Кто жирдяй? По рылу захотел?

– Ребятки, ребятки! – Баба Нюра встала между ними. – Спокойно, счас разберёмся. Что случилось? Почему задержались?

– Откуда я знаю, задержались или нет! Этот, – Проглот

кивнул в сторону деревянных котов, – котяра вонючий, всю малину мне... обгадил! Я с девчонкой был, а он... затыкнул бодягу: надо лететь, надо лететь, ждут... Что здесь? Центр по выведению клонов?

– Погодь с клонами. Ты скажи: вы сразу вылетели?

– Не, я чё, должен был бросить девчонку и куда-то тащиться? – Проглот уселся на скамейку, закрыв своими ногами-столбами мне обзор. Я снова перешла к дверному проёму. – Котяра обещал мне пиво...

– Забудь, – сухо сказала баба Нюра, пристально рассматривая Проглота. У меня создалось впечатление, что она тоже подозревает подмену. – Вас в пути кто-нибудь останавливал?

– Никто нас не останавливал. Сами...

– Зачем?

– А если бы вас за шиворот тащили на такой высоте? Ну...вмазал котяре пару раз по морде...

– Кретин! – жёстко резанул Вадик.

– Всё, шнурок, ты меня достал! – вскочил Проглот. – Сейчас из тебя... это, ну... макраме вязать буду!

– Грозилась синица море зажечь...

– Довольно, петухи! – вспыхнула и баба Нюра. – А ты сядь и охолонь. Я тоже могу психануть: враз оборотю в поросю. Хочешь?

Проглот сел, бубня под нос:

– Не имеете права...

– Где же у меня лампочка запасная? С вами позабудешь

всё на свете. Там девчонка в пыли задыхается, а мы тут лясы точим! – Баба Нюра – судя по звукам – копалась в ящиках серванта.

Вадик вновь опустился на колени, полез под стол, щёлкнул зажигалкой.

Я выбежала на освещенное место у ножки стола. Пыли здесь действительно было много: я, буквально, утонула в ней выше колен. Вдоль стены вообще пыль лежала внушительными барханами. Похоже, тут не годы, а столетия не убирались.

– Нашёл! – вдруг заорал у меня над головой Вадик.

– Жива? – плюхнулась рядом с ним баба Нюра, игнорируя стёкла разбитой лампочки.

– Живее не бывает, – Вадик положил рядом со мной мозолистую грубоватую ладонь.

– Бедняжка, ты моя, настрадалась ты сегодня, – запричитала баба Нюра.

Я взошла на ладонь Вадика, и он, чрезвычайно осторожно, вынес меня из-под стола. Убедившись, что я в порядке, баба Нюра успокоилась. Меня посадили на восстановленную «тахту», спиной к Проглоту. Он шумно сопел, что-то бубня под нос.

Вадик вышел покурить.

– От, поганец, говорила же: не успеешь! – глянув на часы, ругнулась баба Нюра. – Сынок, позволь мне в подпол слазить.

Проглот встал, отодвинул скамейку. Под ней, оказывается, была крышка люка в подпол. Баба Нюра, спустившись по скрипучей лесенке, минуты две шебуршила и звякала стеклом.

– Помочь? – спросил Проглот, заглянув в люк.

– Да чего тут помогать, – показалась голова бабы Нюры. – Возьми вот.

Проглот принял из её рук шкатулку, покрытую слоем плесени. Лицо его перекосилось от брезгливости – быстро поставил на стол рядом со мной и отошёл к раковине: вымыть руки.

«Чистюля,» – едко хмыкнула я про себя.

Баба Нюра обтёрла шкатулку сначала мокрой тряпкой, затем сухой. Я обратила внимание, что хозяйка стала какая-то другая: глаза её уже не улыбались, в них трепетала тревога. И лицо больше не излучало доброту, а показывало лишь вековую усталость и, возможно, внутреннюю боль. Она почувствовала мой взгляд, посмотрела коротко, уголки губ дёрнулись.

– Вам плохо?

Не ответила. Закрыла глаза, положив руки на шкатулку, губы зашевелились, произнося неслышные слова.

Проглот замер сбоку, на лице неприятная ухмылка.

Из-под рук бабы Нюры закурился оранжевый дымок, запахло, кажется, свежее испечённым хлебом. Поднявшись над руками бабы Нюры, дымок стал растекаться по кругу. Вскоре

и шкатулка и руки поглотило оранжевое облако-шар. Краем глаза я отметила, как сползла ухмылка с лица Проглота, и он, впервые, нормально смотрел, как обычный мальчишка: с любопытством и чуточкой испуга перед неведомым. Баба Нюра вынула руки из облачка, и оно тотчас опало, светлея и растворяясь в воздухе – через минуту от него не осталось и следа. Пропал и хлебный запах, а на столе возникла овальная чаша на тонкой ножке. Похоже, вырезанная из кости. Чаша наполовину была заполнена густой массой, напоминавшей холодец.

– Колдовать будете? – осторожно спросил Проглот.

Баба Нюра и на этот раз проигнорировала вопрос. Взяла с окна горшок с каким-то чахлым растеньицем в виде прутика стремя прямыми листочками салатного цвета. Наклонив горшок и, слегка встряхнув его, баба Нюра легко вынула растеньице вместе с землей, и что-то взяла со дна. Растеньице вернулось на место, а в центр чаши лёг крупный чёрный камень величиной с куриное яйцо. Держа над ним руки, баба Нюра произнесла несколько непонятных слов.

Проглот приблизился к краю стола, смотрел во все глаза на чашу. А в ней стремительно происходило невероятное: камень вращался по оси, поверхность «холодца» покрылась рябью, при этом и камень и «холодец» ежесекундно меняли цвет. Вскоре «холодец» стал золотистой жидкостью, а камень – прозрачным хрустальным шариком. Он замедлял вращение и погружался в жидкость. Наконец, баба Нюра убрала

руки, и в чаше всё замерло: шарик лежал на дне.

– Подойди, дочка, к краю, – глянула на меня баба Нюра, показала, куда подойти. Я приблизилась. Чаша была на голову выше меня.

– Сынок, подмогни.

– Чё? – дёрнулся Проглот.

– Подставь, что ли, коробок.

Проглот подвинул «тахту», я взобралась на неё – теперь край чаши был мне по грудь.

– Опусты руки, – велела баба Нюра и утопила свои в жидкости. Я повторила. Ощущение такое, будто сунула руки в мёд. – Закрой глаза, отрешись, ни о чём не думай.

Жидкость пришла в движение: чудилось, что мои руки не в чаше, а в струящемся студёном ручье. Кончики пальцев покалывало, словно проплывающие льдинки ударялись острыми краями. Когда кисти полностью заледенели, так, что я перестала их чувствовать, голове, напротив, стало жарко. Инстинктивно хотела выдернуть руки, но холод уже сковал и всё тело. А следом, темнота в глазах дрогнула и расплылась в молочно-ржавое пятно, ещё секунда – и я увидела, как на видео, себя! И – живого Зебрика! Мы находились во дворе, за забором, среди гор мусора. У Зебрика уже появились крылья. «Смотри в ладонь,» – устало скомандовал Зебрик. Я подняла руку к лицу. «Скажи: ДОСРУЖ! Закрой глаза». «ДОСРУЖ! ВОТ ОНО! ЗАВЕТНОЕ СЛОВО!» – завопила я, тщетно пытаюсь открыть глаза и выдернуть руки.

«Видео» выключилось – и всё вернулось: я легко открыла глаза, руки были на месте и «мёд» сохранял покой. Только, по– моему, шар стал чуточку матовым.

Баба Нюра улыбалась мне каждой чёрточкой лица, точно я любимейшая внучка, нагрянула в гости.

– Я вспомнила!!!

– Знаю. Теперь давай-ка, поставим тебя на пол. Повтори все, как было, только слово заветное скажи наоборот. Справа налево. Поняла?

Я кивнула. Собралась с духом и повторила всё, как надо. Ощущения были те же самые, один к одному. Быстро открыла глаза, когда всё закончилось. И сердце с бешеной радостью заколотилось о рёбра: Я БОЛЬШЕ НЕ БЫЛА ДЮЙ-МОВОЧКОЙ!

– Дай я тебя обниму, страдалица ты моя! – Баба Нюра с чувством прижала меня к груди.

Проглот смотрел на меня широко открытыми глазами, силась, что-то сказать. От его гонора не осталось и следа: у печки стоял растерянный и... милый толстячок. Похоже, он только сейчас, всерьёз, осознал, во что влип.

За дверью послышались шаги, и вошёл Вадик, на руках у него был третий кот. Деревянный.

– Охламон, говорила же, – счастливое настроение бабы Нюры испарилось. – Паразит неблагодарный! Где подобрал?

– Возле бани.

– Ладно, что ж теперь поделаешь. Поставь, сынок, их на

сервант, пусть дальше пыль собирают. С Варюшкой мы разобрались, теперь с вами ребятки... Что-то тут не так, – баба Нюра пристально всмотрелась в мальчишек, спросила у Проглота: – Кличут тебя как?

– Дмитрий. Дима.

По просьбе бабы Нюры, ребята подошли к Чаше и опустили руки в «мёд». Проговорив несколько невнятных слов, баба Нюра тоже сунула руки в Чашу.

– Отрешились, ребятки! Закрыли глаза, и ни о чём не думаем.

Я же, напротив, распахнула: любопытно было со стороны посмотреть процесс – изнутри уже знаю.

К моему огорчению, ничего особенного не увидела: стоят трое над Чашей и... спят. Лица расслабленные, спокойные. На пухлых губах Димы трепетала лёгкая улыбка. Разочарованная, заглянула в Чашу – вот здесь было любопытное: «мёд» жгутами закручивался в спираль, а шар из матового стал малиновым, точно в нём зажгли ёлочную лампочку. Так продолжалось минуты три, затем спираль принялась раскручиваться, свет в шаре погас, но и матовость таяла. И вот в Чаше... светлый «мёд», а на дне прозрачный шар.

«Спящие» проснулись и, явно, не в хорошем расположении духа.

– Теперь понятно, – сказала баба Нюра. – Мои опасения не оправдались: подмены нет. Что ж, ребятки, радуйтесь: вы – братья кровные, близняшки.

Вадик и Дима недоверчиво глянули друг на друга.

– И не сумлевайтесь. Фамилии у вас, верно, разные, а мать с отцом единые. Вас ещё в младенчестве разлучили.

– Прямо индийское кино! – невольно вырвалось у меня.

Дима ожёг меня ледяным взглядом, Вадик хмуро смотрел себе в ноги.

История, действительно, «мыльная»: молодая семья и года не выдержала свалившихся трудностей с появлением близнецов; ситуация обострилась настолько, что родители видеть уже не могли друг друга. И решили разбежаться. Как ни странно, детей надумали поделить. Отец остался в Новгороде с Димой, а мать с Вадиком вернулась под Псков, на малую родину. Разбежались и, напрочь, забыли друг о друге, подтвердив народную мудрость: с глаз долой – из сердца вон. Впрочем, помогли забыть и глобальные перемены в стране: перестройка, развал СССР и масса неприятностей в связи с этим. Вот так и получилось, что прожили Вадик и Дима 16 лет, не ведая, друг о друге. Дима рос в достатке и праздности, Вадик – в бедности и каждодневном труде. Типичнейший сюжет «мыльной оперы». Теперь вот с ненавистью поглядывают друг на друга. Хороши попутчики, нечего сказать. Кстати, пора бы уже ввести нас в курс дела: для чего собрали и куда отправимся?

– Ребятки, я понимаю, о чём вы думаете. Что ж поделаешь, раз так сложилось, – баба Нюра сочувственно вздохну-

ла. – Я вас прошу, нет, заклинаю: перетерпите! Не держите зла друг на дружку. Там вам никак нельзя сторониться. Иначе погубите себя и Варьюшку...

Мы все вскинулись, переглянулись: погубить? Серьёзно говорит или просто пугает в воспитательных целях?

Баба Нюра была предельно серьёзна:

– Да, родные мои, дело вам предстоит трудное и опасное. И, поверьте: я бы многое отдала, чтобы не посылать вас...

Но не могу! Не мной решено, не мне и отменять. Да и не в силах мне... Я ведь только Задвижка на двери..., -Глянула на часы, глубоко вздохнула: – У вас остался ровно час. Давайте-ка, я скоренько расскажу, что к чему. Потом сходите, помоемся в баньке, и будем собираться.

Мы молча расселись, кто где, приготовились слушать.

Глава 5

Вот что поведала баба Нюра, разумеется, в моём пересказе:

... Сейчас многие поклоняются Христу, почитают апостолов и святых. И никого не смущает, что, как говорится, бабка надвое сказала, был ли Христос сыном Бога или нет. И святых сами назначают...

А ведь было время, когда о Христе на Руси и слыхом не слыхали, свои Боги судьбы людей вершили. Являлись и в образе людском и в обличье зверином. Кому с подмогой, кому с советом, а кого и наказать по злым делам его. И царил в мире Лад, а правила Правь.

Но случился разлад меж Богами. Кто был зачинщиком, о том не сохранила память. Боги вовлекли в свои дрязги людей, и рухнул Лад. В ход пошло оружие, а с ним коварство, доселе неведомое, и ещё худшее-предательство. Был умерщвлен Сварог, коварством и тёмной волшбой-колдовством. Следом последовала расправа со Сварожичами: кого заклятьем заточили в заповедные места, кого оборотили в животных, наложив неснимаемые чары. Чем меньше становилось Светлых Богов, тем больше прибавлялось сил у Тёмных. Согласия, однако, и меж ними не было: каждый хотел быть Владыкой и остальных в подчинении. То всю полноту власти захватит Чернобог, то Кощей в содружестве с супруж-

ницей Марой.

И настал момент, когда люди устали от дрязг и битв Богов, стали терять веру в них. Тут и воспользовались ушлые, принялись насаждать нового Бога. Где огнём, где мечом – разрушались Капища, подвергались осквернению Идолы. Семена Зла, щедро посеянные Тёмными, дали сильные всходы среди людей. Кровь людская лилась, как водица. Целые народы-племена исчезли с лона земли...

Чудом избежавшая расправы, дочь Перуна Магура – Перуница собрала всех уцелевших волхвов, ворожей и чародеёв, дабы общими усилиями создать мощный Оберег для любезного славянского народа – сварожьих внуков. В те времена сильный колдун Морок, правая рука дряхлеющего Кощея и возможный его приемник, решил раз и навсегда извести племя зачарованных. Хитростью заманил самых сильных в Тридевятое царство, где прочно обосновался Кощей, якобы для перемирия. Перуница почувствовала подвох, но было уже поздно...

Произошла Последняя Битва Светлых и Тёмных. Были задействованы все силы с обеих сторон. Тёмные одержали верх... Перуница, израненная, и девять её верных ворожеек вернулись на Русь, а здесь уже шла полным ходом «охота на ведьм». И топили бедняжек, и жгли живьём, и на кол сажали... Одурманенный жрецами нового Бога, народ действовал, как один человек...

Увиденное, лишило последних сил Перуницу. Умирая,

она совершила последний подвиг: закрыла Проход в Тридевятое, а живым Замком (Задвижкой) определила одну из верных чародеек. Ей была доверена личная Чаша Мокоши со слезами Земун – коровы и зрачком Ящера. На долгие века Задвижка получала советы и руководство от Чаши. Так однажды Чаша известила, что пришла пора снять Проклятье Перуницы – наложила в горячности, сжигаемая обидой, за их предательство – над сварожьими внуками. К сожалению, Чаша не ведала, как это сделать, но была уверена, что Зерно заклятья надо искать в Тридевятом. И ещё Чаша поведала: раз в 15 лет рождается русская девочка, отмеченная Ладой – ей предначертано найти Зерно и снять Проклятье. Та, которой сие удастся, получит Великие Силы Светлых. С ней связаны надежды на освобождение заточённых Богов и восстановление Лада и Прави. И ещё Чаша поведала: раз в 1блет рождается два мальчика, которым предначертано быть спутниками и телохранителями Избранной. Сообщив это, Чаша велела ровно через неделю, в три часа ночи на мгновенье приоткрыть Проход.

Чародейка исполнила всё как надо. В щель проскользнула белая кошка. Она едва жива была от ран и голода. На рассвете кошка родила трёх котят, истратив остатки сил. Чародейка, решив, что она померла, завернула тело кошки в свой старенький передник и вынесла в сад, где собиралась похоронить. Однако, пока ходила в сарай за лопатой, кошка исчезла; остался лишь развёрнутый передник...

Чародейка выходила слабеньких котят, поила козьим молоком с добавкой настоев трав. Котята оказались необычные, ибо росли не по дням, а по часам: через неделю это были уже взрослые коты. Чародейка запросила Чашу: для чего ей посланы дивные коты? И та ответствовала: будут доставлять к Проходу Избранных. Чаша сообщит лишь время перехода и место проживания Избранных. За 12 часов до перехода у котов открывались волшебные способности: начинали говорить, как люди, а на спине вырастали два птичьих крыла.

Как-то раз, ещё до первого перехода Избранных, коты напросились гулять на ночь. Чародейка отпустила. А утром у крыльца обнаружила три деревяшки в виде котов.

Чаша повинулась, что в своё время забыла предупредить: котам категорически нельзя было вступать в связь с кошками, ибо включалось наложенное на них заклятье. Положение, частично, можно исправить. По спецрецепту была срочно приготовлена мазь, которой чародейка покрыла деревяшки, сказав заветные слова. Отныне, поведала Чаша, коты раз в 15 лет, за 15 часов до перехода будут из деревяшек оборачиваться в живых, а, выполнив задание, вновь станут деревянными. Но если они не придут к месту Прохода за 3 часа до открытия, то станут деревянными уже навсегда.

Двадцать веков минуло с тех пор. Сварожьи внуки всё ещё под тягой Проклятья Перуницы. А очередная чародейка – Задвижка – каждые 15 лет приоткрывает Проход и отправляет тройку Избранных. Что происходит там с ними? почему

до сих пор никто не вернулся? – о том не ведает даже Чаша...

– А что вы думаете? – спросил Вадик, когда баба Нюра закончила рассказ.

– Я, сынок, думаю: моих наставлений не соблюдали. Коли нет единства, так по одиночке погубят. Вот и вам, детки, скажу: держаться надобно, как пальчики на одной руке. Коли все в растопырку будут, каков толк с такой руки? Ни подмочь, ни оборониться...

– Я могу отказаться? – вдруг вскрикнул Дима. – Ещё не поздно?

– Ты что, придурок, или притворяешься? – тотчас вспыхнул Вадик.

– Почему сразу придурок? – обиделся Дима. – Если я не хочу всех этих ваших сказочных путешествий. У меня нормальная жизнь... мне не от чего... это, ну... убегать. И это... ну, есть что терять. Я не хочу!

– Сынок, что ж поделаешь, раз тебя избрали. Благое дело...

– Всё это слова! – резко оборвал бабу Нюру Дима. – Меня нынешняя жизнь устраивает и я... это, ну... не собираюсь тащиться неизвестно куда, чтобы... это, ну... отблагодарить народ.

– Слушай, заткнись, а! – не выдержала и я, крайне поразив саму себя выходкой. – Противно слушать: ноешь, как баба. Трусишь, так и скажи, а то развёл демагогию.

– Это не демагогия, а это, ну... мировоззрение, – парировал Дима. – Вы эти... как их?... ну, которые любят людей бесплатно... Вот и идите, спасайте человечество. Я лучше в зрительном зале посижу.

– Дармоед! – взвился Вадик. – Как с таким идти? Он же первый в удобный момент... продаст или ногу подставит! Может, пусть катится к чертям собачьим?

– Я бы рада, сынок, всех вас спровадить по домам, только не мной порядок установлен. На вас печать заветная, особый знак, по которому Проход признает и позволит мне его открыть. Только три вместе знака составят целое – пропуск. И заменить нечем: следующий Избранный только народился...

– Значит, пойдёшь! – ожёг брата Вадик. – И только вякни... жирдяй.

– Раскомандовался! – Дима вскочил, сжал кулаки. – Я тебе что, шестёрка? Уже и сказать ничего не могу, да?

– Можешь, Дима, можешь, – сунулась я, всё больше поражаясь себе, – только не ной и не скули, а говори по существу. Я, лично, тоже не в восторге от всего этого, но сам видишь: у нас нет выбора. Я верю: если мы исправно выполним инструкции бабы Нюры, то благополучно вернёмся домой. Потом ещё будем смеяться над нашими страхами. Дим, всё же интересно побывать в параллельном мире, в сказочной стране...

– Лучше по видику...

– Ага, и при этом жрать не переставая, – съязвил Вадик.

Дима что-то буркнул, тяжело опустился на скамейку.

– Всё, ребятки, нет времени рассусоливать и рассиживать-ся. Давайте, сынки, первые в баню отправляйтесь. Счас полотенчики дам. – Баба Нюра сходила в комнату и вернулась с двумя махровыми полотенцами.

– Ступайте. Шибко не размывайтесь: Вареньке тоже надобно ополоснуться. В предбаннике увидите два ведёрка с водицей. Из красного плеснёте на каменку, для пару, а из синего ополоснётесь, когда вымоетесь. Не перепутаете?

– Нет, – за обоих ответил Вадик.

– Только без глупостей там. В смысле, не подеритесь.

Ребята посмотрели на меня как-то странно, будто я заглянула в их головы и прочла мысли, или того хуже, подсмотрела нечто интимное.

Мальчишки ушли. Баба Нюра суетливо стала рыться в шкафу, что-то искала. Я вызвалась помочь.

– Нечего, доченька, помогать. Я вот всё голову ломаю о твоих сопутниках. Не таких бы надоть! Боюсь,хватишь лиха с ними. Прямо не знаю... не хочется отправлять вас в таком разладе. Ума не приложу, как быть.

– Не терзайтесь вы так. Вадик серьёзный парень, а Димка... Балованный, конечно, тунеядец, жил без проблем, а тут такое... Не беспокойтесь: мы возьмём над ним шефство...

– Ох, дочка, кабы ведала, что ожидает вас, так може и не беспокоилась. Скольких уже отправила... и за каждого сердце кровью обливается.... Вёдра слёз выплакала. Ничем, ведь,

подмочь не могу...

– А у вас... свои дети были?

Баба Нюра замерла, наполовину скрывшись в шкафу, тяжело вздохнула, заговорила севшим голосом:

– Были, как же не быть... тридцать две девоньки народила на свет и мальчонку, последыша... Всех кровинушек потеряла... Они с младенчества были отмечены... Вершили благо, но во все времена их объявляли пособниками неведомого Сатаны... и прилюдно отнимали жизни у моих дочурок... Иные сгинули в лихолетьях. Девять, как и тебя, отправила туда. И последыша, сынулю...

Я готова была расплакаться от нахлынувшей жалости к бабе Нюре. Столько пережить и остаться в здравом уме, продолжать исполнять три века назад возложенную миссию... Уникальная, святая женщина! Какими мелкими и незначительными показались все мои личные беды и огорчения. В эти минуты мне хотелось в лепёшку расшибиться, найти злополучное Зерно и, главное, **ВЕРНУТЬСЯ**. Чтобы хоть раз за триста лет баба Нюра была рада и счастлива, чтобы не болели сердце и душа... Чёрт возьми, заслужила она покоя и счастья! Должна же быть справедливость! А иначе, зачем все эти походы?!

– О чём закручинилась, девонька? – Баба Нюра уже сидела на кровати, развязывала холщёвый мешочек.

Я не знала, что ответить: истинные мысли, почему-то, не хотелось выдавать. Проямлила, мол, ничего серьёзного, пу-

стяжки. Странно: на ум пришли... месячные.

Сколько времени прошло – дома я бы не раз сбегала в туалет, да и самочувствие было не ахти, – а ничего не напоминало о них.

Баба Нюра добродушно усмехнулась:

– Забудь пока о бабьем недуге. Я, когда косточки твои вправляла, напоила травкой. До поры не будет напоминать о себе. Зачем в дороге лишняя помеха, верно?

– Верно. А что это?

Баба Нюра, наконец, развязала мешочек и высыпала на покрывало какие-то клубочки, лоскутки, кусочки кожи – стала перебирать.

– Это вам в дорогу, – отложила три кожаных треугольничка на тонких, почти невидимых, шнурках. – Личные обереги. Из кожи самого Черноморского Змея. Изготовлены его дочерью Девойной для детей и внуков. Отпугивает Тёмные силы. И, напоследок, – Баба Нюра показала нечто непонятное, сложенное конвертиком, быстро разобрала его и моим глазам предстала рубашка с длинными рукавами и круглым, как у футболки, воротом. Рубашка была из тончайшей ткани, вроде капрона для чулок, и по размеру подошла бы трёхлетнему ребёнку. – Это ваши защитные одёжки.

Видимо, на моём лице было сверхсомнение, ибо баба Нюра улыбнулась, протянула мне рубашонку:

– Примерь.

Взяла я и, невольно, вскрикнула: рубашка, точно живая,

приникла к рукам, стала расти. Я опомниться не успела, как в моих руках уже была моего размера рубашка. Сунула голову в ворот, руки в рукава – рубашка плотно обхватила моё тело, приятно наполняя теплом и силой. Стало так уютно и покойно, что захотелось прилечь и нежиться, блаженствуя, как дурочка безмозглая. В коридоре забухали шаги, дверь резко рванули: ввалился Димка.

– Козёл деревенский! Вы скажите ему: если будет цепляться ко мне... я это, ну... урою его!

– Ну, что у вас стряслось? – вздохнула баба Нюра.

– Выпендривается, вот чё! Замочу в сортире!

– Успокойся, никого ты не замочишь, – сказала я. – Он твой брат и наш товарищ. А злость свою будешь там гасить... на других. Запомни это и прекращай скулить.

– Спелись, да? Вы хорошие, а я дерьмо...

– Не пори чушь! Никто так не считает. Сам напрашиваешься.

– Охолонь, сынок. Будь поумнее: задирается, а ты пропустишь мимо ушей...

– Легко сказать, – буркнул Дима, остывая.

– Ты уж постарайся, Дим, пожалуйста, – заглянула я в его лицо. – Нельзя нам ссориться, нельзя.

– А я чё? Он первый начинает...

– Ну, прости его. Это ревность и обида в нём бушуют. Посуди сам: что ты имел, а что он.

– Я чё ли виноват?

– Нет, конечно. Но, согласись, обидно. Поставь себя на его место и поймёшь. Я тебя очень прошу. Договорились?

Стрельнул в меня глазами и, смутившись, сухо выдавил:

– Ладно...это, ну... попробую.

Приоткрылась дверь, и Вадик крикнул в щель:

– Баня свободна.

– Я пойду, приготовлю травки, – сказала баба Нюра. – А ты, девонька, через пяток минут приходи.

– Хорошо.

– Я бы... это, ну., съел чё –нибудь... – остановил у порога хозяйку Дима.

– Так скушай. Подкинь в печь дровишек, в холодильнике возьми яйца, маслице. Совладаешь? А то подожди: вернусь-сотворю яишенку.

– Смогу, – оживился Дима.

Буквально в считанные секунды он забил под завязку печь полешками, вбил на сковороду штук шесть яиц, и стал, ёрзая, ждать.

– Не много? – осторожно спросила я.

– Много не мало, – дурашливо засмеялся Дима, морща нос. Глянул искоса: – Вот ты маленькая, тощенькая – тебе и воробьиной дозы хватит, а я большой – мне много надо. Ты, наверно, думаешь: чё мы будем делать с этим... жирдяем там?

Действительно, я подумала об этом.

– Заметь: я не добровольно... это, ну... под давлением иду

на эту вашу... как её?... авантюру. Так что кормить меня – ваша проблема. Я ещё и пива потребую. Он, – Дима кивнул на сервант, где стояли деревянные коты, – обещал: всё будет, что попрошу.

– Обещанного три года ждут. Так что временно забудь о требованиях.

– Не, я не согласен! – Димка пнул остатки дров. – Подлянка такая, блин! Счас бы бананы трескал или с девчонкой бы... того... А тут жарь... яишенку... – довольно похоже передразнил бабу Ньюру.

– Я, между прочим, тоже под давлением.

– Зато этот... дымоход, добровольно. Позови его эти... как их?... из тарелочек... тоже побежит. Дебил!

– Ты не прав. Вадик не дебил. Просто ему очень интересно... всё необычное. Что он у себя в деревне видел?

– Леспромхоз! Тундра! – продолжал бухтеть Димка, передвигая сковороду по гудящей плите.

– Может, ты прекратишь обзыватьсь?!

– А если нет, чё будет? Спелись, да? Сю – сю – сю... Да мне до форточки! Иди-ка ты... в баню, не порть аппетит!

– Тебе испортишь...

Вадик сидел на чурке, откинувшись на стену веранды, задумчиво курил. Он даже не шелохнулся, когда я оказалась рядом. Остановившись, вдруг поняла: не знаю, что сказать. Как-то само собой вылетело банально-киношное:

– Ты в порядке?

Вадик не ответил. Выпустил клуб дыма, который поплыл в мою сторону – я переместилась.

– Я в чём виновата? Я не твоя сестра-близнец и жизнь у меня не слаще твоей...

– Ты в баню шла? Вот и топай... – Вадик вскочил, вдавил окурок в землю и вошёл в дом.

Весьма странно: я не обиделась. Раньше бы от такого отношения долго мучилась, терзалась бы обидой: за что? почему? И вообще, с того дня, как появился кошачий след на ладони, я всё время обнаруживала в себе несвойственные мне черты: моментами стала излишне истеричной, плакси-вой или, как вот сейчас, равнодушно – необидчивой. Раньше, в обществе ребят, старалась не высовываться, уйти в сторону, спрятаться, как страус в песок. А сейчас, похоже, всё наоборот: готова выпячивать себя, лезть, как говорится, во все дырки и быть для каждой затычкой. Исчез, выветрился из меня привычный страх перед чужими людьми. С одной стороны, это начинало нравиться, с другой... чуточку боязно: моё ли это? во благо мне или... Это «или» было неясно, даже не просматривалось. Возможно, ответы находятся там, в Тридевятом? Удивительно: вот уже разговаривала с говорящим котом, летала на нём, будучи Дюймовочкой, видела Чашу Мокоши – а всё не верится в это Тридевятое царство. Сказка, розыгрыш...

Простоволосая, в длиннополой сорочке, баба Нюра колдовала над тремя тазиками с водой: что-то шептала, сыпала

порошки. В бане было жарко, приторно пахло распаренной травой.

Я вошла в трусиках и лифчике. Баба Нюра на секунду оторвалась от тазиков, глянула на меня.

– Скидывай сбрую свою. Всё скидай. Подойди сюда. Окуни ладошку с меткой в этот тазик, опосля в этот.

Я сделала: сначала в центральный макнула руку, затем в правый. Баба Нюра взяла мою руку, накрыла своей ладонью, замерла, закрыв глаза. Губы её слегка вздрагивали.

– Теперь вместе опускаем в третий тазик.

Если в первых двух я ничегошеньки не почувствовала – вода как вода, – то в третьем тазике случилось невероятное: руку охватило нечто мягкое, словно натянули меховую рукавицу, затем щекотно стало там, где кошачий след. Дёрнулась, хотела выдернуть руку, но ладонь бабы Нюры прочно припечатала её ко дну. Внезапно от центра ладони прыснули «мурашки», они стремительно понеслись вверх по руке, рассыпались по плечу, а затем по всему телу. Через пару минут я, буквально вся, с головы до пят, была «пронизана» ходами – туннелями, по которым лихорадочно сновали мурашки с ледяными колючими лапками. Вскоре у меня было такое ощущение, будто осталась от меня тонкая дырчатая оболочка, а внутри-сплошная труха, как в трухлявом дереве, где вольготно проживает муравьиное племя. А потом, вообще перестала видеть, слышать, ощущать... Последней мыслью, затухая, была: всё! меня съели изнутри...

Всё оборвалось внезапно, точно я спала и видела кошмарный сон, а меня разбудили. Прежде, после кошмарных снов, я долго чувствовала себя скверно, а сейчас, напротив, великолепное самочувствие. В бане ничего не изменилось, всё осталось на местах. Баба Нюра внимательно рассматривала мою ладонь. Вся кисть была красная, словно кипятком ошпаренная или сгоревшая на солнце, кошачий след сверкал снежной белизной и, чудился, живым: как бы и не след вообще, а пушистая настоящая кошачья лапка. Поверхность её пульсировала, буквально притягивала взгляд.

Баба Нюра... плакала.

– Что? Плохо... да?

Смотрела на меня широко открытыми восторженными глазами, слёзы обильно заливали её щёки, разглаживали морщины, осветляли бурые пигментные пятна – баба Нюра молодеда! Бережно, – по – моему, слишком бережно, – опустила мою руку и... низко поклонилась:

– Приветствие Тебе, Ладанея Светозарная!

– Что... это значит?

С трудом, конечно, верилось, но, по словам бабы Нюры, во мне пробудилась Душа, Сущность – как хотите, назовите, – самой Ладанеи. С ходу я не запомнила всех имён, зацепилось следующее: Ладанея была получеловек-полубогиня; отец её один из верховных Сварожичей, мать-ворожея Светозара, в то время весьма влиятельная и могущественная. Ей покровительствовала сама Берегиня, Великая Богиня, поро-

дившая всё сущее. Когда случились раздоры между Тёмными и Светлыми, Светозара, естественно, активно защищала вторых. В одном из поединков Светозара почти одержала верх над Кощеём, но тому на помощь пришла Марена: она похитила малолетнюю Ладанею и грозилась убить. Кощей избежал смерти. Спустя некоторое время, оправившись, они с Мареной решили раз и навсегда покончить с ярой защитницей Светлых. Прямого поединка они бы не выдержали, по – этому надумали прибегнуть к коварству: вновь похитить Ладанею и тут же умертвить, что, буквально, подкошит её мать. Светозара понимала: враги не оставят попыток ударить в её уязвимое место, и, не теряя времени зря, передала часть своих Сил дочурке, а также обереги и защитные заклятья. Девочке в ту пору едва семь лет исполнилось, но по разумению Ладанея далеко опережала свой возраст.

В Последней Битве они были рядом, мать и дочь, плечом к плечу. Светозара погибла, а Ладушка, израненная, попала в руки Марены. Тщетно пытались уговорами, посулами и угрозами привлечь девчущку на свою сторону: осталась непреклонной. Обереги Светозары спасли Ладушку от верной смерти, но не спасли от чёрной волшбы – раны и потрясения ослабили. Обратила Марена непокорную девчонку в дикую кошку и забросила в топкие болота. Марена ликовала: с Ладанеи покончено, не будет второй Светозары! Ошиблась супружница Кощея: не ведала, что Богами Ладанея была предназначена сыну кузнеца белокурому Любомуд-

ру, и что от их соединения приобретут оба Дар бессмертия, а Силы Ладанеюшки утратятся. Прознав о том, Любомудр загорелся освободить от чёрных чар наречённую. Чтобы вернуть Ладанею человеческий облик, надобно выкупать кошку – Ладанею в крови самой Марены. И отважился Любомудр пробиться к Марене, да постигла его неудача: был схвачен верными слугами. Марена пребывала в благодушном расположении и спросила смелого юношу, как он хотел бы закончить свою жизнь. Любомудр пожелал обратить его в дикого кота и отправить в болота, где сгинула его наречённая.

Вскоре, сказывали, в тех местах появилось невиданное кошачье племя. И предводительствовала им белоснежная кошка. Ещё говорили, что ночами та кошка оборачивалась в девушку светозарную, лицом схожая и на Ладанею и на мать её Светозару. И всегда рядом писанный красавец Любомудр. По им лишь ведомым тропам выходили из гиблых топей, встречались с людьми, узнавали, что в миру делается, кому помощь оказать, кого за творимое зло примерно наказать.

Последний раз, говорят, видели Ладанею Светозарную в день, когда по зову Морока все зачарованные отправились в Тридевятое. Ладанея всё племя кошачье за собой повела. Говорят, чуяла подвох, хотела упредить беду, стать защитницей Перунице. Чем закончился тот поход, известно. Ладанея, суженный её Любомудр и всё кошачье племя остались там, в Тридевятом. Все ли сгинули, уцелел ли кто, – о том нет вестей. Зато доподлинно известно: раз в 99 лет проявля-

ется Ладанея в здешней девице, наделяет силой чародейной, дабы та девица прошла через Проход в Тридевятое и помогла Избранной восстановить Лад и Правь...

В заключение, баба Нюра сказала, что за время, пока она служит Задвижкой, это второй случай, когда Ладанея проявляется именно в Избранной, а не в иной девице. По-всему, это благостный знак: сама Светозарная примет участие в походе. И обережёт, и подмогнёт, коль нужда в том будет.

– Детонька... это великая радость для меня! Скольких отправляла, ни один не возвратился... Какая боль... Теперь верю: вернёшься! Обязательно вернётесь! И Зерно отыщите... Ладушка подсобит! Давай, золотце, мойся. Времени у нас с тобой осталось с гулькин нос. Как помоешься, ополоснись сперва с этого тазика, опосля с этого. А в последнем постой ножками, сосчитай до ста – и вылазь. Водицу плесни под полоч.

Я особо размываться не собиралась, по – этому управилась быстро. Всё сделала, как просила баба Нюра. Плеснула последнюю воду под полоч и...

– Поаккуратней можно? Ядрёно копыто головой в корыто! – раздался писклявый голосок и на мокрую лавку вылез крохотный старичок, облачённый в нечто пёстрое, лоскутное. Он был мокрый, как говорится, с головы до пят.

Я на мгновенье потеряла дар речи, лишь, машинально, прикрылась тазиком.

– Слышал, слышал, молодница. Больно хлипкая ты, худосочная... Ладанеюшка посправнее была, округлая. Сдобная, кровь с молоком. Как счас помню: глазоньки ясные, глянет, как медком мазнёт, засмеётся, что твои бубенцы...

– Вы что... видели её? – Я медленно приходила в себя. – Сколько же вам лет?

– Кто ж их, молодка, считал лета... Нюрка против меня пелёношный младенец, а, поди, уж четвёртый век завершает. Ладанеюшку, знамо дело, видывал. Жаловала шибко наш народец. Последний разок лицезрел в аккурат, когда уходили в Тридевятое. Наши все подались следом, а я вот остался... Молодой ещё был, глупый: лез во все щели, любопытством гонимый. Не углядел, как ноженьку занозил. Тут наши собираются в поход, а у меня ногу раздуло по самое коленце... Ты, молодка, гляжу, никуда не торопишься? Что ж слушаешь, ушки развесив? Я ведь могу трендеть бесперебойно, мне спешка без надобности. Ладно, не кукся, ступай тряпчёлки свои вздевать, а я тем временем к себе сбегаяю: есть у меня тебе подарочки. – Дедулька прокатился по мокрой лавке до стены и мышкой скользнул под полук.

Я прошла в предбанник и, ещё не успела толком одеться, как услышала:

– Варуня, я уж обернулся!

Дедуля сидел на полке, болтая ногами. В руках держал мешочек, похожий на старинный кисет.

– Нюрка признала в тебе явление Ладанеюшки, стало

быть, так оно и есть. Тогда не смог оказать услугу Светозарной, теперча чем могу. Вот тебе, дорогуша, мой заветный мешочек, а в нём... – дедуля извлёк гребешок с тремя уцелевшими зубцами, древнее круглое зеркальце в узорчатой медной оправе, зелёная от времени, она местами обломана, местами смята, ручка, так же отломана, и, наконец, половинку грецкого ореха, – мои вам с Ладанеюшкой подарочки – подмоги. Смотри, не потеряй. Сховай подале, чтоб взять поближе. Запомни, Варуня: спользуй в крайней крайности, когда уж невоготу с лихом управиться. Брось вещицу через левое плечо – левое! – молви: «Упади мягко, сделай гладко», – подмога и поспеет. Запомнила?

– Да. Упади мягко, сделай гладко. Бросать через левое плечо.

– Тогда, прощай. Скатертью дорожка, – дедуля вскочил, протягивая мне мешочек.

Я взяла. Дедуля метнулся к окну, где лежали в шербатой миске обмылки, схватил тот, что потолще:

– Это мыльце я возьму. А тряпицы у тебя нет?

– Можете полотенце забрать, – неожиданно для себя проявила царскую щедрость.

– Благодарствую, – забавно раскланялся дедулька и по-детски захлопал в ладошки.

Я сложила полотенце в несколько раз. Дедулька проворно взял его, нахлобучил на голову и заскользил по лавке к стене.

– Как вас зовут?

– Юриком кличут, – донеслось из-под полка.

Я вышла из бани и столкнулась с бабой Нюрой.

– Поторапливайся, девонька, нам пора. Замылась, аль замодела?

– Там этот... кажется, банник...

– Юрик, вот охальник! Как молодуха моется, тут как тут. При мне ни разу рожу свою бесстыжую не казал. Шебуршит из вредности, всякую гадость плескает на каменку. Выклянчил что?

– Полотенце отдала. Взамен подарочков, вот в мешочке.

– Это сурьёзно, дочка. Раз дал, береги: непременно сгодятся. Он хоть и охальник, но знающий толк в волшбе. В молодости у Ладанеюшки в любимчиках был, в её баньке обживался. Это уж опосля, как один остался, к нам перебрался, ближе к Проходу. Всё ждёт возвращения своих...

На крыльце стоял Вадик, курил. Закинув голову, увлечённо смотрел в небо. Я тоже глянула: вроде, ничего особенного – грязно-серые крошки-облака, звёзды, полная луна. И всё же, что-то было такое, что, невольно, цепляло взгляд: вон как Вадик всматривается. Через пару секунд и я увидела: облака вели себя странно – они не плыли в определённую сторону, а кружили вокруг луны, сливаясь, друг с другом и образуя широкий круг. С каждой секундой круг сужался внутри и расширялся на периферии, при этом вся площадь круга становилась темнее. Вскоре всё небо было затянуто чёрным пологом.

– Затмение? – наугад ляпнула я.

Баба Нюра не ответила: она как раз поравнялась с Вадиком, сухо бросила:

– Бросай, сынок, смалить. Времечко поджигает.

Димка сидел на скамейке и уплетал гренки, шумно запиная чаем. Интересно, сам сделал или баба Нюра постаралась?

– Всё, хлопчики, собираемся.

Баба Нюра принесла из сеней небольшой сундучок, покрытый пылью так, что казался обтянутым серым бархатом. Димке велела открыть подпол, откуда достала древний, похоже, одного возраста с хозяйкой, закопчённый ухват. Ручка кривая, сучковатая, с глубокими трещинами и пятнами ожогов. Следом за ухватом, появилась круглая деревянная крышка для бочки. Вся разохшаяся, со следами задубевшей плесени и с неистребимым запахом квашеной капусты.

– Готовы? – Баба Нюра стояла посреди комнаты, суетливо осматривалась, точно боялась что-нибудь упустить, забыть. Но мне, почему-то, подумалось: у неё мандраж. Потому что похожее начиналось и у меня. Димка заметно нервничал, не знал, куда руки деть. Лишь Вадик был невозмутим: навалившись боком на косяк двери, скучающе смотрел на происходящее. Ни за что не поверю: как можно оставаться спокойным, когда истекают последние минутки здесь... идем, чёрт знает, куда... не ведаем, что ожидает... и, вообще, вернёмся ли...?

Внезапно гроыхнул гром, где-то над пашней, затем ещё

несколько раз, похоже, по кругу вдоль деревни прошёлся. Ещё не стихло эхо последнего удара, как засверкали молнии. За окнами, словно зарево пожара. Дом, казалось, дрожал, как живое существо, неприятно звенели стёкла.

– Ишь, как бесится полоумная! Каждый раз бьётся лбом о стенку, бестолковая. Руки короткие, поганка!

– Вы о ком? – спросили мы с Димкой в один голос.

– Да есть тут одна прихвостня Морока... Злыдня. Уж сколь веков пытается отворить Проход. Дурёха, думает, что разрушит Оберег, меня полонит – и всё, Проход отворится... а вот кукиш! На мне где сядешь, там и слезешь.

– На нас с Зебриком напали летучие мыши. Это её работа?

– Её. Ещё одна дурость: захватить Избранную. Как сейчас говорят, заложницу. Меня особо-то не разжалобишь. Не для того сюда поставлена.

Баба Нюра откинула крышку сундучка, затем убрала лоскут домотканой холстины. Под ней оказались несколько деревянных бочонков размером со стакан, а рядом что-то завёрнутое в белую тряпицу, пухлое, точно батон колбасы. Баба Нюра взяла один бочонок и «батон», захлопнула сундучок.

– Всё, ничего не забыла? – спросила у самой себя и, помедлив, ответила: – Ничего. Чай не впервой собираю, – Развернула тряпицу, и нашим глазам предстала... обыкновенная скалка, разве что древняя и на вид вроде не деревянная, а, возможно, костяная.

Бочонок, по сути, был шкатулкой: на дне покоился клубок шерстяных ниток. Невзрачный какой-то, болотного цвета и края, будто моль поела. Впечатление такое, что если встряхнуть клубок, то он рассыплется на мелкие обрывки ниток.

– Это, – баба Нюра бережно взяла в руки клубок, – ваш Проводник. Шерсть самой Земун – коровы. Вы не смотрите, что он ветхий такой, там клубочек будет как новенький. Только не сумлевайтесь, не перечьте ему – и приведёт куда надо. Значит так, ребятки, – внимательно осмотрела все извлечённые вещи, взяла скалку и крышку от бочки. – Это тебе Дмитрий.

Дима обалдело принял, растерянно глянул на меня. Но баба Нюра уже протягивала мою «порцию»: ухват...

– Это тебе, дочка, по значению. Ну, а тебе, Неулыба... счас... – глянула на Вадика и метнулась в другую комнату, пошуршала в шкафу и вернулась... с пальцами, а в придачу подушечка, густо утыканная иголками.

Вадик оттолкнулся от косяка, взял пальцы, подушечку, неопределённо хмыкнул:

– Я что... там бабой буду?

– Хлопцем будешь, хлопцем. По обличию. А вот станешь ли бабой – не ведаю. Да и бабы бабам рознь. Иная и ватагу мужиков за пояс заткнёт.

Баба Нюра ещё раз сходила в комнату и принесла три пухлых кожаных мешка с ремешками-лямками. Примитивные рюкзаки?

– Я вам тут собрала на первый лад. Далее, как сложится.

Вадик молча взял мешок и уже собрался переложить его содержимое в свою сумку, но баба Нюра остановила:

– Не советую, сынок. Твоя сумка, конечно, краше, може удобнее, но это не просто кусок кожи, раздражающий тебя видом и духом. Это старинные тороки русских богатырей. Заговорённые: в огне не горят, в воде не тонут, и вора в руки не даются. Не обижайся, сынок, но напомню: не на пикник идёшь...

Вадик ничего не сказал, лишь кивнул: мол, всё ясно, нет проблем. И уже из своей сумки стал перекладывать в торок.

Мы с Димкой тоже сначала негативно отнеслись к торокам: очень не хотелось даже прикоснуться к ним, потёртым, пахнущим сырой кожей и ещё бог весь, чем... Димку даже перекосило всего от брезгливости. Думаю: у меня не лучшее было выражение лица. Однако, после слов бабы Нюры, мы укротили свою неприязнь.

Через пару минут мы были готовы. Баба Нюра в последний раз критически оглядела нас, напряжённо морща лоб.

– Подумайте: ничего не пропустили? Може, я в спешке, что упустила... Рубашки надели?

– Да, – не сговариваясь, в один голос ответили.

– Тогда всё. Присядем на дорожку.

Присели. Возникшая пауза, гнетуще давила на психику: хотелось тут же взорвать её громким голосом, весёлым смехом.

– Тьфу, кулёма, старая! – вскочила, как ужаленная, баба Нюра. – Всё, всё... чую же, что-то пропустила! – Метнулась в комнату, вернулась, держа на ладонях сложенную конвертиком тряпицу, протянула мне.

– Соплевик? – удивилась я.

– Сама ты соплевик. Это последний лоскуток от скатерти-самобранки. Выдаёт скудный паёк, но с голоду не помрётё. Запасов-то у вас на два-три денька...

– Если Пузан будет жрать в меру, – сказал Вадик.

– Ты... опять, опять?! – взвился Димка.

– Брэк! – сунулась я между ними. – Хватит, а? Что вы как детсад ни ки...

– Всё! – жёстко поставила точку баба Нюра. – Выходим.

Она шагнула к порогу, и тут меня как током шархнуло: Зебрик! Я затараторила, как пулемёт:

– Я возьму ещё Зебрика, он снился мне, помогал, трижды от смерти спас... может, ТАМ помогут ему.

– Бери, тебе нести.

Потянулась за Зебриком, оступилась неловко и локтем задела чучело удода. Он качнулся и стал падать на меня. Оставив кота, поймала чучело, обхватив ладонями. В следующее мгновение меня действительно прошило током, больно кольнув в сердце. Чучело дрогнуло в руках, и... на меня глянул живой птичий глаз.

– Он живой! – заорала, как резанная.

– Конечно, живой, – просто сказала баба Нюра. – Он про-

сто спит. С тех пор как объявился, так и спит.

– Откуда появился?

– Оттуда. Был сигнал, я решила: мои посланцы возвращаются. Открыла Проход, а эта пичуга упала в ноги, и заснула... Лет тридцать, поди, прошло...

– Его я тоже беру! – решительно передала удода Димке, сама взяла Зебрика.

– Мы идём или зверинец будем собирать? – с веранды недовольно крикнул Вадик.

Грохотало беспрестанно – похоже на канонаду из военных фильмов. Широкие изогнутые лезвия молний ежесекундно вонзались в землю по окружности, в центре которой деревня Яблоницы. Казалось, ещё немного и земля не выдержит, лопнет, как стекло. Глазам было больно от вспышек, уши закладывало и ломало в висках.

Мы идём гуськом за бабой Ньюрой. Мимо палисадника, мимо колодца в глубь сада, в сплошную стену кустарника. Если не ошибаюсь, это крыжовник. По едва заметной тропке углубились в заросли.

– Пришли, – наконец, остановилась баба Ньюра.

Мы разошлись веером. Перед нами площадка, заросшая травой. Местами из неё выглядывали фрагменты каменной кладки. Камни неотёсанные, поросшие мхом, частично потрескались и осыпались от времени.

Баба Ньюра встала перед проёмом – возможно, здесь когда-то была дверь, – подняла руки вверх и, точно камень,

швырнула в проём непонятное слово, описала в воздухе замкнутый круг, затем поделила его на две половинки, сцепила руки в замок и резко разорвала его. На мгновение мир вокруг будто замер. Блестящая змейка искринок обрисовала две половинки круга и с лёгким щелчком испарилась. Запахло свежеиспечённым хлебом.

– Пошли! – скомандовала баба Нюра.

Вадик и Димка приблизились к ней, и она порывисто обняла их, троекратно поцеловав, сказала, не сдерживая слёз:

– Заклинаю вас, сынки: не ссорьтесь, не гневите, друг дружку – погубите по глупости! И берегите Вареньку: она – голова и сердце, вы – руки и ноги. Всё, ступайте, – показала на проём.

Первым шагнул Вадик. Его тотчас окутало розоватое облачко, качнулось в глубь кладки и растаяло. Вадик исчез.

– Эх, мать моя женщина! – хорохорясь, вскрикнул Дима. – До свидания! Я ещё вернусь!

Через секунду облачко унесло и его.

– Варенька, доченька, много хотелось сказать... – Баба Нюра, плача, обняла меня. – Береги себя, мальчишек держи в строгости, не допускай разлада... иначе погубите себя. Возвращайся, девонька, закликаю!

– Я вернусь... Обязательно.

– Ступай.

Прижимая к груди тёплое вздрагивающее тело удода – Зебрика забрал Димка, – я шагнула к проёму боком, не вы-

пускающая из виду бабу Нюру. Заплаканная, поникшая, она махала рукой, вызвав во мне прилив жгучей жалости.

Холодное, пронизывающее до костей облачко поглотило меня: баба Нюра исчезла. Последнее, что я услышала, был удаляющийся крик петуха... И, будто из глубины колодца, истеричный выкрик бабы Нюры:

– Ты что творишь, окаянный?!

Часть вторая. Зазирка

Глава 6

Я шагнула... и провалилась по колени в снег. Он был всюду, вернее, кроме снега здесь ничего не было. Снежная пустыня, белое безмолвье.

Мальчишки вытаптывали площадку.

– Вы слышали?

– Что?

– Баба Нюра кому-то кричала... – Я не успела закончить фразу: меня ниже спины что-то толкнуло. Резко обернулась: на снегу лежало скомканное полотенце. То самое, что я подарила баннику. Полотенце зашевелилось, и из него вылез Юрик.

– Привет, ребят... – Наст под ним провалился, и банник ушёл с головой в снег.

Димка поспешил ему на помощь, пробороzdив траншею. Извлечённый из снега, Юрик смешно плевался и чихал.

– Вы почему здесь?

– Ну, ево! Надоело коптиться в нюркиной бане, нюхать веники, да каждую субботу глазеть на Нюрку. Тоска-матушка утомила. Я с вами. Все мои здесь, что я там один... Я не буду обузой, при случае подмогну. Да, разрешите предста-

виться: меня Юриком величают.

– Дима, Дмитрий.

– А это Вадик, – кивнула я на стоящего в стороне Вадима.

Он задумчиво грыз снежок и смотрел куда-то вдаль.

– Вадик? Это от какого? – Юрик подтянул полотенце,

быстро завернулся в него на манер римского патриция.

– Вадим.

– О, Вадим! Знавал я одного, в Великом Новгороде. Даже подмог в роковой час. Замуровали сердешного в баньке и подпалили. Сгорел бы, как лучинушка. Тут я и проявился. Закуток у меня был под банькой, просторный. В нём и схват бедолагу, как в материнской утробе, калачиком. Банька сгорела, супостаты порешили: с Вадимом покончено! и отравились бражничать...

– История, конечно, интересная, – оборвал Юрика Вадик. – Но что нам делать сейчас?

Простой вопрос на некоторое время лишил нас дара речи, ибо никто не знал ответа. Мы озирались по сторонам, пристально всматривались в перспективу. Снег, снег, снег. Впереди, сзади, слева, справа. До самого горизонта. Необыкновенно чистый, рыхлый, как творог высшего качества. Глаза довольно быстро утомились от белизны: не за что было зацепиться, передохнуть – даже тощей былинки...

Небо над нами было таким же однообразным, точно зеркальное отражение земной поверхности. Впрочем, так показалось с первого взгляда. При более внимательном рассмот-

рении обнаруживалась существенная разница: если на земле раскинулось безупречно чистое накрахмаленное полотно, то в небе оно уже не было целым и чистым – разорвано в клочья, скомкано, испачкано грязными руками. Клочья тесно прижаты друг к другу, точно разорвавший полотно неуклюже пытался имитировать цельность.

– Морозец справный, – оборвал тягучую паузу Юрик.

Мороз, действительно, был небольшой, мягкий: минус три, не больше. Если бы ещё солнышко добавить и можно воскликнуть вслед за Пушкиным: «Мороз и солнце-день чудесный!» Но, увы! Солнце скрыто за клочками разорванного полотна, даже его местоположение в данный момент не определить.

– Ну, и что будем делать? – на этот раз спросил Дима. – Вы обратили внимание: нет звуков и запахов?

Точно: звуков нет, ватная тишина. А запахи... только снега.

– Классное начало, – Вадик швырнул огрызок снежка, полез за сигаретой. – Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Так, да? – он с пугающей злостью уставился на меня. – Давай, шевели извилинами! Ты ж у нас голова. О чём вы там шептались со старухой? Поделись. Или рукам и ногам не положено знать?

– Не кричи, – поморщился Дима и встал рядом со мной, будто ожидал нападения со стороны брата.

– Я не кричу!

– Нет, ты кричишь! Орёшь!

– Ребятки, ребятки, погодьте шуметь, – словно боясь, что его не услышат, Юрий взобрался на спину Зебрика, безучастно стоявшего на утрамбованном снегу.

– В самом деле, что паниковать раньше времени, – наконец, решила я заговорить.

– Кто паникует? Кто паникует? – всё так же на повышенных тонах задёргался Вадик. – Я просто спросил...

– Не просто! – вставил Дима.

– Да ну вас! – Вадик прикурил сигарету, нервно затянулся, выпустил клуб дыма, что-то добавил невнятное – возможно, выругался, – и ломанулся в толщу снега.

– Пушай, поостынет, – сказал Юрий.

– Слушай, Варя, – оживился Дима. – Я думаю, это... не стоит дёргаться отсюда. Сделаем здесь лагерь. Снег липкий, слепим этот... как его? шалаш. Потом можно сходить в разведку. Как?

– Согласна.

Дима кивнул, отошёл в сторону, зацепил горсть снега, слепив снежок, катнул его по поверхности. Снежок мгновенно увеличился втрое. Я последовала примеру Димы.

Вадик остановился метрах в тридцати от нас, постоял вполборота, наблюдая за нами, затем, отшвырнув окуроч, тоже покатила снежный ком.

– Он отделиться решил?

– Не знаю, – Дима пожал плечами, смахнув обильный пот

со лба.

– Нужник творит, – сказал Юрик.

Мы переглянулись с Димой, приснули и, смутившись, отвернулись друг от друга.

Работалось легко, с каким-то детским удовольствием. Неопределённость, неизвестность на время отступили на дальний план: мы оживлённо катали огромные снежные мячи, дурачились как малолетки во дворе при лепке снеговика или крепости. Довольно скоро – сами поразились! – мы с Димой «построили» весьма приличный домик с двухскатной крышей, арочными оконцами на все четыре стороны и дверным проёмом. Дима так увлёкся, что дополнительно возвёл перед домиком круглый стол и три, скобками, скамьи.

– Чукча, однако, нравится чум, – пошутил Дима, когда мы закончили «стройку». Он был странно возбуждён, покраснелся, лицо блестело от пота, тяжело дышал. – Кайфовое ощущение!

– Да, согласилась я. – Сейчас бы в ванну.

– И пивка, – мечтательно протянул Дима, судорожно сглотнув. – Юрик, а вам чего хочется?

Юрик, пока мы трудились, сидел на спине Зебрика, кутался в полотенце и, похоже, о чём-то размышлял. Может, бедняга, уже пожалел о своём опрометчивом поступке.

Рядом с Зебриком мы сложили тороки. На них я положила удода, закутав в свою кофточку. Он по-прежнему находился в летаргии. Проход никак не отразился на нём.

– Кисельку клюквенного, – внезапно сказал Юрик, когда мы уже перестали ждать от него ответа.

– Не знаю как вы, а я здорово проголодался. Может, перекусим, а, Варь?

– Давай.

Вадик был скрыт стеной возведённого нужника, и лишь дымок говорил, что у него очередной перекур. Мы с Димой в четыре руки накрывали стол. У каждого в тороке оказалось несколько газет «Сельская новь»– из них мы соорудили скатерть. На неё выложили все наши запасы. Баба Нюра каждому положила по кирпичику хлеба и по батону, отдельно в пакетах огурцы – свежие и малосольные, – в стеклянных баночках яйца (на крышках прилеплены бумажки: «Свежие»). Ещё баночки с вареньем и квашеной капустой. В холщёвых мешочках картошка. Пачка соли, пачка сахара-рафинада, пачка чая в пакетиках, стакана по два крупы – рис, греча, горох, перловка, пшено. Пожалуй, при разумном уничтожении, этих продуктов хватит нам на неделю. Плюс лоскуток скатерти – самобранки. С голоду, точно, не умрём. Тревожило другое: погода. Сейчас чудная, а через час? через три? завтра? послезавтра? А ночами? Тёплой одежды – если не считать свитеров – не взяли, дров в обозримом пространстве не намечается. Сколько мы продержимся без огня?

– О чём задумалась, душа моя? – окликнул Юрик. Дима перенёс Зебрика вместе с ним поближе к столу.

– Дровишек бы. Без огня пропадём...

– Да-а, – приуныл Дима. – Костёрчик... Ночью дубака будем давать.

– Сейчас перекусим и пройдемся по округе. Может, найдём что. Кусты какие-нибудь. Росло же здесь что-либо до снега.

Юрик внимательно смотрел в небо. Мы тоже вскинули головы. Ничего особенного, все, как и было в минуту нашего прибытия.

– Что?

– Не движется...

– А ведь точно! – вскрикнул Дима. – Вон те два облачка, видишь, похожи на мотоцикл с коляской? Видишь? Они... ну, как нарисованные...

Теперь и я, пристально всмотревшись, увидела странность: вся эта мешанина из клочков абсолютно не двигалась; ощущение такое, будто над нами раскинут полог, на который наклеены пучки грязной ваты. Бутафория?

Я глянула на Юрика. Он задумчиво пощипывал кончик носа, покряхтел и выдал:

– Заклятое место: время остановлено...

– Чушь! Как можно время остановить? – Дима полез во внутренний карман куртки, извлёк часы с оборванным браслетом. Глянул – и обалдело застыл: – Стоят...

– Отлично! Нет, правда, это нам на руку. Остановлено время... значит, здесь всегда день и постоянная температура. Обойдёмся без костра!

Дима, всё ещё не веря глазам своим, вертел часы, потряхивал, прикладывая к уху. Электронное табло невероятно показывало: 04.01.17. Время нашего перехода.

– Ладно, Дим, оставь свои часы в покое... и позови, пожалуйста, брата.

– Да ну, не пойду я. Опять цепляться станет – подерёмся.

– Хорошо. Порежь хлеб – я схожу.

Вадик сидел на корточках, курил. Туалет, или нужник по определению Юрика, был готов: за стеной расположились две симпатичных кабинки, внутри снег утрамбован, в центре ямки метровой глубины. Господи! неужели здесь так много снега!? Мы в Арктике?

Вадик глянул через плечо, хмыкнул, затем, шумно выдохнув, поднялся:

– Опробовать пришла?

– Скажи, пожалуйста, чем ты недоволен?

– Всем!

– Мы все в одинаковых условиях. Никто тебе ничего плохого не сделал. Вот я, лично, чем тебя обидела?

– Ничем! – Вадик зло пнул снег.

– Ну и нечего тогда психи показывать. Пошли, поедим.

Вадик что-то пробурчал, затоптал окурок и быстро пошёл к лагерю.

Ели молча, не глядя друг на друга. Даже Дима вяло покусывал, стараясь не производить громких звуков. Лишь Юрик, полулёжа, на затылке Зебрика, самозабвенно обсасы-

вал дольку малосолевого огурца.

– Мы что, на поминках? – наконец, не выдержала я.

Дима глянул из подлобья, хотел что-то сказать, но, посмотрев на брата, передумал. Вадик нехорошо усмехнулся, дерзко глянул на меня:

– Ты ещё на что-то надеешься? Оглянись: здесь вечная зима, всё живое давно померло! Под нами метры снега! Сколько таких, как мы, отправила старуха? Замучаешься считать. А сколько вернулось? Ась, не слышу ответа? Лапши нам на уши навесила, охмурила и выпихнула на верную смерть! Загнёмся через пару дней, и снежком присыплет...

– Не засыплет, – буркнул Дима, – здесь время остановлено...

– Какая, чёрт, разница! Слопаем вот это всё и загнёмся с голодухи. Если до этого друг друга не схаваем.

– Ты, похоже, уже сейчас готов. Не противно? Ещё и шагу не шагнул, а уже в панику ударился, – неожиданно для себя, я повысила голос: меня начинала раздирать злость. – Слушайте, дорогие мальчики... в первый и в последний раз говорю: не собираюсь вечно быть при вас мамкой – нянькой, слюнки-сопельки утирать! Хочется ныть – нойте про себя! Нечего на публику играть: не тот зритель. Это тебя, Вадим, касается в первую очередь. Прекрати задирать брата!

– А то, что будет?

– Думаю: ничего хорошего.

– Не пугай. Всякая мокрошелка будет тут...

– Заткнись! – двигавшегося Вадика, и цепенела от мысли, что убила его.

Юрик едва не подавился огурчиком: долго и натужно, как щенок, кашлял.

Дима, наконец, оторвал от меня взгляд, повернулся в сторону брата. Его тело, точно тряпичная кукла, торчало из снега. Жуткое зрелище...

Дима поднялся и, неуверенно, пошёл к брату. Он не дошёл двух шагов, когда Вадик зашевелился, побарахтался и сел, трясся головой.

– Предупреждать надо... он хотел, видимо, добавить нечто оскорбительное, но предупредительно осёкся.

Оцепенение прошло, озноб сменился жаром, а в ногах разлилась слабость – я села.

– Ты... цел?

– Нормально, – морщась и щупая грудь, ответил Вадик.

Вернулся на своё место Дима:

– Ну, ты... это...

– Я сама не ожидала... перетрухала... Дим, а у тебя раньше никаких... отклонений?

– В смысле... ну, это... не псих я?

– Тьфу, на тебя! Я о другом. Вот у меня сначала этот кошачий след появился, потом, случайно, узнала, что могу... вот как сейчас с Вадиком...

– А, понял! Нет, ничего такого. Не понимаю, почему попал в обойму. Может ещё проявится, а?

– Может быть.

Подошёл Вадик, присел, с опаской поглядывая на меня.

– Извини, я, правда, не знаю, как получилось. Но ты сам виноват: разозлил меня...

– Ладно, проехали. Учту: злить опасно...

– Ребята, если вы думаете, что я знаю больше вашего, то ошибаетесь. Я, как и вы, ничегошеньки не знаю. Могу, чем хотите, поклясться! Я тоже не хотела идти, но мне пригрозили: всё равно... выполнят предначертанное. Вы же сами видели, что может баба Нюра...

Дима встряхнулся, отломил кусок хлеба, стал энергично жевать, слова при этом ронялись, как обвалянные в сухарях котлетки:

– Да ладно, что ты как первоклашкам. Видели, знаем...

Помните, что говорила баба Нюра, прощаясь? «Заклинаю вас, не ссорьтесь, не гневите друг дружку – погубите по глупости». Я считаю... все эти... ну, походы до нас... провалились из-за разлада...

– Короче, Склифосовский! – шикнул Вадик.

– Короче... ну, это... я, как бы, верю, что вернёмся...если будем... ну, это... как одно целое. Как кулак...

– Кулак, – криво усмехнулся Вадик. – Она значит, указательный палец, ты – большой, а я... так, мизинчик...

Мы с Димой переглянулись, не совсем понимая, о чём собственно речь.

– Ку-ку, ребятки! – Юрик стоял на голове Зебрика и от-

чаянно топал ногой, привлекая к себе внимание. – Не о том толкуете, родимые. От безделья, должно быть. Большой, указательный... Кулаку без разницы, как пальцы именуются. Главное, чтоб крепкие были и тесно прижимались друг к дружке. А мизинчиком, сударь Вадим, скорее я буду. Всё это словоблудие, тако моё мнение. Може, пора делом заняться?

– Ну, так скажи, Мизинчик, что нам делать? – огрызнулся Вадик.

– Рази, Нюрка, вас ничем не снабдила?

– Точно! – вскрикнул Дима. – Этот... ну, колобок шерстяной!

Странно: за всё время, пока мы здесь, никто не вспомнил о тех вещах, что дала нам баба Нюра – скалки там, ухваты...

Даже, когда продукты доставали.

Каждый взял свой торок и выложил на «стол» что имел.

– Аховый набор, – усмехнулся Вадик. – Можно открывать антикварную лавку.

Я взяла в руки кожаный мешочек, вроде древнего кисета, развязала скукоженные ремешки и вытряхнула клубок. Кажется, он стал ещё меньше, и напоминал скорее покрытую засохшей плесенью картофелину. Мы, невольно, замерли, впившись глазами в «картофелину». Она лежала на снежной поверхности «стола», как на белоснежной скатерти, и вызывала неприятные чувства: хотелось смахнуть её в мусорное ведро и сменить скатерть. И я протянула руку, словно собралась именно это сделать. Ладонь кольнуло, точно иголкой,

затем всей руке стало тепло, как если бы я медленно погружала её в горячую воду. Вокруг «картофелины» замельтешили чёрные точки, будто в воздух поднялись потревоженные мошки. С каждой секундой, их становилось больше и, вскоре, тёмное облачко целиком поглотило «картофелину». Рука моя, по локоть, буквально пылала, хотелось выдернуть её из «кипятка», но, почему – то, дальше хотения я не двигалась. Облачко светлело на глазах: из чёрного стало синим, затем розовым, а, когда превращалось в зелёное, растеклось по «столу», заливая, точно сиропом, все выложенные нами вещи. Достигнув края «стола», «сироп» не потёк вниз, как должно быть, а мгновенно обращался в дымок. Вскоре мы оказались окутанными радужным дымом, запахло горелыми спичками, над «столом» потрескивало, будто горящие дрова в печи.

Рука меня слушалась, и ей уже не было горячо. Я ничего не видела, кроме клубящегося радужного дыма. На секунду показалось: я осталась одна!

– Ребята! Алё, вы здесь?

– Здесь, не ори: итак ушам больно, – отозвался Вадик.

Странно: мои уши в порядке. Дым стремительно стал таить, внезапно налетел знобкий ветерок, ударил в ноги, пробежался по телу, колюче лизнул лицо, точно массажной щёткой повели...и исчез.

Я открыла глаза и, невольно, вскрикнула, отпрянув: «стола» не было! На его месте зияла яма, словно на снег вылили

не одно ведро воды. На дне ямы лежало... оружие. Древнее по форме, а по виду, будто только что кузнец, завершив обработку, выставил на обозрение плоды своих трудов.

– Класс! – восторженно прошептал Дима. Присев, протянул руку над ямой, и, моргнуть не успел, как в его руке оказался меч, а следом вспарил каплевидный щит и замер перед ним. Дима лишь шевельнул рукой, и щит приник к его телу.

– Братцы, кайф полный! – ликовал Дима. – Смотрите, какой меч... смотрится тяжёлым, а он... ну, это... как бы столовый нож... – Дима продемонстрировал, легко и красиво, как в кино, вращая мечом. – Я даже не напрягаюсь... он сам!

Вадик опустился на колени, заглянул в яму. Я плюхнулась рядом.

– Надо думать, это мои пальцы и подушка с иголками, – хмыкнул Вадик, простёр руки, и в них оказались лук и колчан туго набитый стрелами. Вадик вскочил, потряс в воздухе луком, колчаном, поражённый глянул на меня: – Как игрушечные... даже не верится...

Я смотрела в яму в крайнем недоумении: на дне лежала металлическая вязальная спица, около двух метров длиной, и чуть толще лыжной палки. Как и должно быть, у спицы один конец заострён, на другом слегка сплюсненный шар, величиной с куриное яйцо. Цвет у спицы был такой же, как у цинкового ведра. Я не решалась протянуть руку. Это, явно, ошибка: зачем мне, девчонке, этот... гвоздище? Или

лом, что тоже годится для определения «оружия». Может, он предназначался Димке, а баба Нюра, в запарке, перепутала?

Глянула на ребят: они восторженно и увлечённо рассматривали свои приобретения. Мальчишки...

– Дим, – позвала, – Дим, подойди, пожалуйста.

Подбежал, заглянул в яму:

– Проблемы?

– Ещё не знаю. Что это, по-твоему?

– Мощная булавка.

– Булавка? Может, скажешь, зачем она мне?

Дима пожал плечами, ковырнул снег мечом:

– Ну, это... раз дают, значит нужно...

– Слушай, попробуй: пойдёт к тебе.

Не пошла. Тщетно Дима вертел рукой, наконец, спрыгнул в яму, взялся за «булавку» и... даже с места не стронул.

– Неподъёмная...

Подошёл Вадик. Я и его уговорила попробовать. Тот же результат: в руку не прыгнула, и стронуть с места не удалось. Выходит, никакой ошибки нет и этот лом мой? Спасибо баба Нюра! Прикольно получается: Варька за тридевять земель с ломиком лёд колупает на неведомых дорожках. Чтобы, значит, братья-богатыри не поскользнулись... Голова, говорили... Сказали бы уж сразу правду: дворничиха нужна...

Я вскинула руку и эта неподъёмная железяка, точно карандаш у фокусника, мгновенно припала к ладони. Ощущение, что в руке обыкновенная лыжная палка. И, что боль-

ше всего поразило меня, в руках появилась незнакомая пугающая сила, но при этом в душе покой и уверенность, так несвойственные моей натуре. И ещё, казалось, вроде ростом повыше стала...

– Твоё, – усмехнулся Вадик.

Моё... Ну, и где тот лёд, который...? Я не успела закончить вопрос, как железяка, точно живая, вздрогнула, следом раздался глухой щелчок и сплюснутый шарик поделился на две половинки. Ещё щелчок – и левая половинка превратилась в топорик, а правая выстрелила прямое лезвие.

– Круто! – ахнул Дима.

Словно удовлетворённый произведённым эффектом, лом спрятал лезвия.

– Эй, ратоборцы, вы про нас не забыли? – долетел со стороны ехидный голосок Юрика.

Шагах в пятнадцать от нас на снегу стоял Зебрик, всё ещё деревянный, на его спине полулежал Юрик и двумя руками держал клубок, ибо тот, похоже, пытался вырваться. А на голове Зебрика сидел... удод и старательно чистил перья.

– Проснулся, соня, – не то спрашивал, не то констатировал факт Дима.

– Ребята! Это же здорово! Он здесь был...

– И что? – едко хмыкнул Вадик. – Счас перышки почистит, и всё нам подробненько расскажет?

Удод прервал своё занятие, скосив голову, пристально посмотрел на нас, затем выпрямился, распушил веером хох-

лок и громко, но в тоже время несколько глуховато, крикнул: «Уп – уп – уп – уп». И вспорхнул. Описав пару кругов над нами – в полёте напоминал большую пёструю бабочку – удод резко снизился над Вадиком: длинный, слегка загнутый книзу, тонкий клюв долбанул мальчишку в затылок, а крылья отвесили оплеухи. Вадик взвыл дико, отскочил, схватившись за уши, разразился руганью. Слово «зараза» было самое приличное.

«Уп – уп – уп» – кричал удод, порхая бабочкой над нами. Очевидно, Вадик услышал в его крике насмешку, издёвку, что подхлестнуло его эмоции: выдернул из колчана стрелу, приладил на лук.

– Вадим!! – закричала я. Лом в моей руке угрожающе защёлкал, обнажая лезвия.

– Прекрати, – жёстко сказал Дима, и коснулся остриём меча изгиба лука.

Вадик сник, вернул стрелу на место, судорожно выдавил:

– Ничего, цыплёнок... я ещё доберусь до тебя. Кулебяку сделаю...

– Успокойся, Вадим. Ты получил по заслугам, за своё неуважение...

Вадик, насупившись, глянул на меня, чувствовалось: злые слова рвались наружу, но их сдерживали с трудом великим.

– И запомни: он не цыплёнок, а член нашей команды. Нравится тебе это или нет.

– Пятый палец в нашем кулаке, – встрял Юрик. – Безы-

мянный.

– Да!

Удод неожиданно снизился и сел мне на плечо. Моя рука сама потянулась погладить его. Удод сложил веер хохолка, ткнулся лбом в мою меченую ладонь.

– Молодец! Хамство должно получать отпор.

Удод по-кошачьи тёрся головой о мою ладонь. Мне было щекотно и, в тоже время, как-то тревожно. «Уп – уп – уп,» – произносил удод, а мне слышалось: «худо тут»... Тепло удода, казалось, струйкой пробило мою ладонь, попало в кровь и растеклось по телу. Вот уже в сердце пульсирует «худо тут, худо тут»... заполняет его до краёв, переливается и струится вверх, к голове...

– Варь, – тихо позвал Дима. Он смотрел на меня широко распахнутыми глазами.

– Что?

– У тебя это... ну, волосы...

Я лихорадочно ощупала голову.

– Слева... белая прядь...

– Ладушка... – выдохнул Юрик. – Я помню... Да угомонись ты, непоседа!

Клубок рвался из рук Юрика. Он тоже изменился: стал пухлым и нить, казалось, спрядена из шерсти, которая ещё вчера была на животном. Сочно-голубого цвета.

– Отпусти, – непроизвольно вырвалось у меня.

Юрик разжал руки, и клубок прыснул на снег, принялся,

как живое существо, радостно, с упоением, носиться вокруг, оставляя после себя бороздку. Вскоре вся площадка была, как лист бумаги, изрисована замысловатым орнаментом.

– Как думаете: это просто так... или он что-то хочет сказать?

Ребята всмотрелись, пожали плечами.

– Эй, ты, колобок, переведи, – Дима выставил ногу на пути клубка, желая остановить, но «колобок» за сантиметр до его кроссовок, свернул, описал дугу и унёсся в сторону нужника.

– Разумеется, – хмыкнул Вадик, – столько лет в пыли валялся.

– Ну, так что решим? Двинемся?

– Я готов, – колыхнул мечом Дима. Возможно, на него меч действовал, как на меня «лом»: если до этого он больше хорохорился, выказывая уверенность, которой не было, то теперь она чувствовалась во всём его облике. Подлинная. Появилась она и у Вадика, только он, почему-то, силился её скрывать. Демонстрировал пессимизм, растерянность, точно по инерции. На мой вопрос ответил с неизменной ухмылкой:

– Не торчать же здесь до посинения.

В общем, решили не тянуть кота за хвост, а прямо сейчас собираться и идти, куда Колобок поведёт. Нарезвившись, он, словно умаявшийся котёнок, припал к моей ноге, замер. Я нагнулась, взяла его в руки. Тёплый, влажный, с пульсирующей дрожью внутри, Колобок действительно напоминал котёнка.

Кстати, о котках. Странно, что все эти метаморфозы с превращением скалки в меч, а ухвата в суперкопье, не затронули Зебрика. Или, действительно, ему уже не помочь, или для его заклятия нужно иное действо. Я совершенно не расстроилась, ибо в глубине души верила: оживёт Зебрик! Не сегодня, так завтра. И не просто верила, а была убеждена на все триста процентов. Почему? Спросите что полегче...

Через полчаса мы вышли. Время, разумеется, определяли на глаз. Вышли налегке: весь запас продуктов исчез вместе со «столом». Накрывая его, мы с Димкой извлекли всё, что, было, – хотели увидеть полную картину: что и сколько. «Стол» растаял и прихватил наше продовольствие. Так что у мальчишек практически были пустые тороки. В моём тоже, если не считать бытовых мелочей, вроде куска туалетного мыла, зубной пасты и щётки. Ну, ещё упаковка спичек и лоскут скатерти-самобранки. Ах, да, ещё набор подарков Юрика.

Говоря, что метаморфозы не затронули Зебрика, я ошиблась: зацепило и его. Когда я опустила Колобка на снег, и он покатился, Зебрик неожиданно двинулся за ним, как санки, будто был привязан невидимой нитью к Колобку. За Зебриком тянулась твёрдая колея. «Как во сне!» – обрадовалась во мне вчерашняя Варька. Честно сказать, я себя не узнавала. Кем была вчера? Малявка закомплексованная, хлюпик... одним словом, размазня. В присутствии мальчишек вечно скованная, точно в панцире. Теперь всё было иначе: оста-

лась всё той же карманной, но выросла внутренне. Я стала сильной и уверенной. Дар тут ни причём: сила ощущалась физически, как в натренированном теле. Баба Нюра и Юрик убеждены, что во мне поселился Дух божьей дочки Ладанеи. Сомневаться, отрицать, я разучилась сразу после знакомства с Зебриком. Последующие события красноречиво говорили: это не сон, не глюк, не фокусы, не киношные спецэффекты, это – Правда, Реальность. Ладанея воспринимала всё как обычную жизнь, а Варька, спрятавшись в тёмном закутке, со страхом, на грани обморока, взирала на паранормальные явления. Пси – фактор...

Мы двинулись цепочкой. Впереди уверенно катился Колобок, оставляя прямую бороздку, за ним, с такой же уверенностью, скользил Зебрик. На его голове восседал Юрик, зябко кутаясь в полотенце. Со стороны он напоминал взъерошенную птичку. Пожалуй, Юрик единственный избежал влияния зелёного облачка. Вот только... этот Юрик отличался оттого, что я встретила в бане. Тот был забавный, улыбочивый старичок, говорливый, каждая морщинка лучилась – персонаж доброго советского мультика – дядюшка Ау, – а этот Юрик – просто очень старый человек, он постоянно мёрзнет, ему неуютно, его пугает необозримое белое безмолвье. Морщинки его погасли, углубились, исчезли смешные искорки из глаз, он перестал улыбаться. Думаю: Юрик уже не раз пожалел, что поддался минутному порыву, последовав за нами. Мне было очень жалко его, но я не знала, как

облегчить его участь.

За Зебриком шёл Вадик. На плече лук, за спиной колчан. Шёл, казалось, машинально переставляя ноги, о чём-то глубоко задумался. Похоже, он, как и Юрик, чувствовал сильный дискомфорт, резко вырванный из привычной обстановки. Понятное дело, растерян, напуган. Впрочем, нет, Вадик не из пугливых. В нём, как раньше говорили, крепкая деревенская закваска. Просто растерялся парень, попав в незнакомый мир. Мне это ой как знакомо: когда мы с классом выезжали в театр или на экскурсию в питомник к зубрам, я тоже страшно комплексовала, чувствовала себя не в своей тарелке. И реагировала, похоже: замыкалась в себе, была агрессивна. Защищалась, одним словом, от воображаемой опасности.

За Вадиком шла я, опираясь на «спицу», как на посох. На плече сидел удод с почти задумчивым человеческим видом. Вообще-то я хотела замыкать цепочку, но Дима настоял, чтобы я шла в центре. Честно говоря, Димка меня порадовал. Если поначалу он показался мне фальшивым, маменькиным сынком, который при первой трудности заскулит, мамочку зовя, то теперь он, явно, был в своей тарелке. Спокоен, как танк, точно не у чёрта на куличках, а где-нибудь в его родном Великом Новгороде, на прогулке в парке или на пикнике, на берегу Волхова. Димка всё время болтал, как говорится, обо всём и ни о чём. Перескакивая с темы на тему, с долгими и путаными отступлениями, так что через па-

ру минут абсолютно было непонятно, о чём же, собственно, речь. Хотя и тем было всего три: школа, компьютерные игры и группа «Ария». О последней говорил много и горячо, демонстрируя ярого фаната. Я скучающе слушала, кивала, иногда поддакивала, чем подстёгивала его: Димка принимался вдохновлено цитировать тексты песен, рассказывать о концертах, которые, к его сожалению, видел лишь в записи, потому – что группа распалась.

Мы шли уже около часа, но ощущение такое, будто топтались на месте: пейзаж не менялся – снег, снег, снег... Над головой всё та же бутафория неба. Хотя, стоп!

– Ребята, гляньте: у меня глюк или небо изменилось?

Да, небо стало другим: клочки ваты выровнялись, места соприкосновения сгладились – полотно вновь было целым, правда, изрядно мятое и грязное. И оно дрожало, вернее, колебалось, как плёнка на вскипавшем молоке.

– Время пробуждается? – сказал Дима, глядя на часы. Я приблизилась к нему, посмотрела: цифры на табло конвульсивно дёргались.

– Значит, мы приближаемся к краю этой зоны, – Вадик задумчиво теребил неприкуренную сигарету, всматриваясь в небо.

– Надо идти! – оживился Дима. – Там... это, ну... могут быть люди.

– И супец, – не зло усмехнулся Вадик. – Тарелка поглубже да ложка побольше.

– Да! и супец. Я привык, в обед, горячее есть!

– А кто тебе сказал, что сейчас обед?

– Желудок.

– Жириформбюро, – хмыкнул Вадик, прикуривая сигарету.

– Ты опять? Опять? – начал заводиться Дима.

Я тронула его за плечо:

– Успокойся: он не со зла. Шуткует.

– Дурацкие шутки! Я что виноват, что мне нужно больше, ну, это... калорий, чем вам?

– Не виноват. Вадим, я же просила не цепляться к брату.

– Кто цепляется? Иду себе, куру и никого не трогаю, – сказал Вадик, притворно возмущаясь, затем, едва слышно, обронил: – Нежное создание...

Мы снова пошли, время от времени поднимали голову: взглянуть на небо. Чем дальше уходили от «лагеря», тем существенно менялось оно. Прежде всего, оно стало ниже, точно прогнулось от собственной тяжести. Яснее, чётче стала каждая чёрточка. Всё меньше и меньше пелена походила на нежную молочную плёнку – скорее на грязную плёнку при варке мяса: вот-вот закипит – и бурые хлопья брызнут во все стороны.

От постоянной белизны и однообразия пейзажа, устали глаза. В глубине души проклёвывалось раздражение. Я с ужасом ожидала взрыва. Вадик чаще стал курить, бубнил что-то себе под нос, явно не лирическое. Дима был мрачен,

тревожно молчалив. Его мучило чувство голода и сильная потливость: пот, буквально, градом катился с него. Я решила сделать привал.

– Стоп. Сделаем паузу.

– Колобок, тормози! – крикнул Вадик, закуривая очередную сигарету.

– Ты много куришь, – неожиданно для себя, строго заметила я.

– А ты что, моя бабушка? – огрызнулся Вадик.

– Вредно.

– Днём раньше, днём позже помру. Какая разница?

– Большая. Позже – значит, успеешь больше добрых дел сделать...

– Мы остановились для лекции? – грубо перебил Вадик.

– Нет. Отдохнуть и перекусить. А лекции никто не собирается тебе читать.

– Вот и не надо! Сам как-нибудь разберусь, что вредно, что полезно.

– Ладно. Умолкаю.

Из газет соорудили «скатерть», на неё я положила сложенный конвертик и, страшно волнуясь, развернула.

– Соплевик, – усмехнулся Вадик, напомнив мою оплошность.

Я пропустила мимо ушей насмешку, провела меченой ладонью над клочком скатерти-самобранки и, тотчас, на нём возникли блюда, древние кубки, кувшины. Только.... Пред-

ставьте себе шикарно накрытый стол. А теперь закройте глаза, возьмите бензопилу и вырежьте кусок стола. Вот такой кусок и предстал нашим глазам. Половинка подноса, на котором часть пирога; полоска от другого подноса с узким кусочком жареного мяса; половинка кувшина с остатками, похоже, мёда; рядом две целых деревянных кружки. В центре «скатерти» широкая ваза с фруктами. Чуть поодаль четвертинка калача. Сразу за ним высокое блюдо с торчащей ручкой половника. Ещё одно блюдо с желеобразной массой. Ложек, вилочек и ножей, видимо, на этом клочке не находилось.

– Можно? – спросил Дима, протянув руку к калачу.

– Можно. Если вымоешь руки.

Дима торопливо загрёб снег, лихорадочно стал тереть ладони.

– Не захлебнись слюной, – фыркнул Вадик.

Дима проигнорировал выпад брата, отёр снегом меч и аккуратно поделил пирог, и калач на четыре равных части. Затем порезал мясо.

– Можно приступать.

Поразительно: на место взятого со скатерти куска, возникло точно такой же кусок!

– Супер! – весьма обрадовался Дима.

– Ещё бы, – съехидничал Вадик. – Лопай от пуза, пока...

– Вадим! – жёстко оборвала я. – Достал уже! Мы можем спокойно поесть?

– Всё, я глух и нем.

В блюде с половником оказались щи с мясом. Надо сказать, что всё было свежайшее, ещё тёплое, и очень даже вкусное. Под миски мы приспособили половинки кувшинов. Юрий отказался от мучного и мясного, но довольно активно налегал на фрукты. Преимущественно на груши. Как ребёнок измазался липким соком.

Для удода я накрошила хлеб, в черепку нацедила бульона.

Поели мы отменно. Правда, в тягостном молчании, как на поминках. Каждый, невольно, посматривал в небо, а оно продолжало тревожить: пенная шапка росла, разбухала, темнела. Одолевали нехорошие предчувствия. Да и проводник наш вёл себя беспокойно: Колобок (так я решила называть проводника) описывал вокруг стоянки хаотические круги, метался из стороны в сторону, точно не знал, куда спрятаться от грозящей опасности сверху.

Не сговариваясь, каждый сделал запас еды: завёрнутые в газеты калачи и пироги рассовали по торокам, сверху набросали яблок и гранат. Мягкие сочные груши, виноград, а так же сливы решили не брать – подавятся в пути.

– Пошли? – спросил незнакомо серьёзным тоном Вадик.

– Да.

Колобок устремился вперёд, точно его поддали ногой. Зебрик заскользил следом. На его голове сидел Юрий, колупался в гранате и забавно сплёвывал обсосанные зёрна.

Мы не прошли и десяти метров, как небесный «бульон», наконец, закипел: над нами заклокотало, пена забурилась, как

в омуте, а через минуту загремело так, будто крышка гигантской кастрюли заходила ходуном. Резко потемнело. Тотчас появилось ощущение, что слева слегка потянуло сквознячком.

А потом началась оглушительная какофония: в небе шипело и свистело, что-то грохалось, разбивалось, с треском разрывалось, замелькали огненные всполохи. Что бы это значило? Взорвалась небесная кухня? Или драка в застолье, с переворачиванием столов и битьем посуды? И как это заденет нас?

Пока всё происходило вверху и нас затронуло лишь тем, что «вырубили» свет. И очень шумно: по ушам и нервам бьёт.

Колобок юркнул мне под ноги, нервно заколотил о щиколотку. Прямо не клубок шерстяных ниток, а смертельно перепуганный котёнок. Взяла его, сунула под свитер, и он тут же затих, разве что не замурлыкал.

Тем временем в небе поменялось действо: применили огнестрельное оружие. Грохот выстрелов, трассирующие пули, ослепительные вспышки взрывов. Проще говоря, разразилась элементарная гроза. Необычным, пугающим было то, что зимой таких гроз не бывает. Да и те, летне – осенние, что мы видели-слышали, по сравнению с этой жалкие хлопки петард. Болели уши, раскалывалась голова, нас, буквально, колотило. А гром и молнии с каждой минутой становились шумнее и чаще, словно в перестрелку включались ги-

гантские пулемёты или зенитки, типа «катюша».

Мы, невольно, сгрудились, спина к спине, образовав треугольник. В центре треугольника Зебрик с Юриком.

– Здесь, как и в Яблоницах, защитное поле, – крикнул мне в самое ухо Вадик.

Я это отметила ещё в самом начале, когда первые, слабые молнии разбивались о некую преграду, брызгали искрами. Думала: все видят, чего говорить об этом. Впрочем, и Вадик говорил не потому, что первый обнаружил, а... чтобы стряхнуть одолеваемый страх. Это чувствовалось в его голосе.

– Вот и я о том же... – помедлив, вновь прокричал Вадик.

– О чём?

– Сквозняк...

Я была крайне поражена: действительно думала о сквозняке – что если его появление, это трещина в защитном поле... Но как Вадик...

– Не ломай голову. Все ваши мысли у меня как на ладони.

Дима дёрнулся, развернулся лицом к брату:

– И мои?

– И твои. Успокойся: пропускаю их, как описания природы в книгах. Скукота.

– И давно ты... копаешься в наших мозгах?

– А вот как мои пальцы в лук обернулись. Взял его в руки – и началось...

– Неприятное ощущение, – Я, невольно, поёжилась. –

Спасибо, что сказал. Значит, теперь и у тебя Дар. Дим, может и тебе есть что открыть?

– Нет. Ничего у меня... ну, это... никаких даров...

– Не врёт, – поставил точку Вадик.

Воцарилась пауза. Мы с Димой были в растерянности. шоу «за стеклом» нас принципиально не устраивало. Но что мы могли поделаться? Совсем не думать? Вернее, не думать о таком, что не хотелось бы обнародовать. А это значит, что мы уже не можем остаться один на один с собой, зная, что за нами наблюдают в замочную скважину... Чёрт, чёрт! несправедливо! нечестно!

– Да уgomонитесь вы! Всполошились... Ваш интим останется с вами: я зажмуриваться буду и уши затыкать, – вернулся к своей привычной насмешливости Вадик. – Радуйтесь: атака отбита.

Гром, действительно, затихал, молнии перестали долбить защитное поле, и опять стало светлеть. Исчез и сквознячок. Небо вновь напоминало бутафорское: наклеенные пучки грязной ваты.

Мы снова пошли, в том же порядке. Юрик, припав к уху Зебрика, дремал. Шагавший следом Вадик, негромко насвистывал и беспрестанно дымил.

– Дим, а ты, почему не куришь? – спросила я, чтобы оборвать тягостное молчание.

– Я маме обещал. Да и не нравится мне это. Я лучше пивусика попою...

– А если сопьёшься? Если пьяницей станешь?

– Что я дурак? Я это... ну, знаю, когда надо остановиться.

– Молодец! А Вадик не знает, дымит, как паровоз. Скоро закончатся?

– У меня ещё целый блок.

– А бросить слабо?

– Слабо, – Вадик обернулся, глянул на меня вызывающе:

– Невры у меня.

– Счастливый. А у нас вот нет нервов.

– Сочувствую, – ехидно усмехнулся Вадик. – Бедняги...

мутанты.

– Смотрите! – вдруг закричал, как ошпаренный, Дима.

Наш проводник исчез. Мы ахнуть не успели, как исчез и Зебрик с дремавшим Юриком. Понеслись к месту, где они исчезли, добежав, увидели: никуда они не исчезли, а стремительно спускались по крутому склону, оставляя за собой глубокую – нам по колено – траншею. Перед нами был либо гигантский овраг, либо ущелье, если предположить, что мы в горах. Здесь так же царило белое безмолвье, сплошной снег. Ни чёрной малейшей точки.

– Как будем спускаться? Далековато до низа.

– Хорошо бы на лыжах...

Вадик глянул на брата, как на дебила, презрительно хмыкнул:

– Другие предложения будут?

– Будут! – Дима шагнул навстречу Вадиду, сжав кулаки. –

Думаешь, это... ну, ты один умный, да? Остальные чмо да?

– Это ты о себе?

– Господи! когда это кончится?! Ребята! Прекратите! Дима, что ты хотел сказать?

– Щит. Ну, это... как на санях...

Вадик глянул на щит, дёрнул головой:

– Молоток! Не все, значит, мозги жиром заплыли.

Дима промолчал, лишь гневно засопел. Положил щиту края, отошёл в сторону.

– Хорошо, – сказал Вадик, подойдя к щиту. – Я спереди, потом ты, Варя, ломиком своим притормаживать будешь. Ну, а в хвосте наш гений, противовес...

– Я это... ну, не могу..., – Дима глубоко вздохнул, отступил на два шага назад, потупился.

– Переведи.

– Да, Дим, мы не поняли. Что, значит, не могу?

– Я это... ну, скорости... боюсь... Мы в аварию попали... тормоза сломались...

– Понятно. Дим, а если ты зажмуришься и уши заткнёшь?

– Нет, всё равно... – Дима ещё отступил назад, словно опасался, что его силой заставят.

– Что будем делать? – глянула я на Вадика.

– Что, что... оглушить и тюфяком спустить.

– Только попробуй! – Дима угрожающе поднял меч.

– Варь, давай как меня тогда. Выруби его бесконтактным приёмчиком.

– Дима, успокойся, – шагнула я к нему и тут... он просто растворился в воздухе. – Дима? Ты здесь?

Тщетно я кружила на месте, где стоял Димка, зывала и хватала воздух.

– Нет его здесь, – как холодной водой плеснул Вадик.

– А где?! Где?! Кретин, это ты во всём виноват! Я же просила, просила не доставать его...

– Неженка. Шуток не понимает.

– Я тоже не понимаю таких шуток! Дебильские шутки нам непонятны! Толстокожий осёл!

– Слушай ты, истеричка! Не обзывайся, а то...

– Что? Что? – Я кричала уже не контролируя себя. – Ударить? Герой, обижать слабых. Трус ты и слизняк! Да!

– Заткнись, дура! – Вадик рванул стрелу из колчана.

Скорее инстинктивно, чем осознано, я вскинула меченую руку: невидимая сила ударила Вадика в грудь, отбросила шагов на пять, как раз рядом со щитом. С руганью Вадик вскочил, но из-за поспешности оступился и рухнул на щит. Вторая попытка вскочить, стронула щите места: скользнул вперёд, к краю, – я метнулась удержать, но было уже поздно, – щит стремительно полетел вниз. Клубы снежной пыли образовали облачко, поглотившее Вадика. Я смотрела, как это облачко хаотично спускалось по склону, и сердце больно сжималось: только бы благополучно спустился, не убился, не покалечился...

Облачко стало размером с футбольный мяч, а, спустя се-

кунды, пропало, растворилось в снегу.

– Что же делать? Что? – обратилась я к сидящему на плече удоду. – Куда делся Димка? А Вадик в порядке? И как мне спуститься, чтобы шею не сломать?

Удод приподнялся, взъерошился, распутив веером хохолок, издал глухое «уп – уп – уп» и вспорхнул. Сделав круг надо мной, полетел вниз ущелья.

– Чудесно! – крикнула я вслед. – Бросили одну и рады... Эгоисты! Чёрт с вами! Сама как-нибудь спущусь.

Боком, опираясь на «спицу», осторожно стала спускаться. Колея, оставленная Зебриком, была полностью уничтожена «санями» Вадика. Образовалась другая колея, более широкая, но она плохо держала мой вес: я всё время проваливалась, то по колено, то..., «В общем, вам по пояс будет». Такими темпами я и до пенсии не доберусь вниз...

Довольно скоро я вымоталась, как проклятая. Силы покинули, и я плюхнулась на снег. Точно вороны на падаль, налетели истерика и плаксивость. И снова, как тогда в Яблоницах, я кляла свою судьбу, Зебрика и бабу Ньюру. Зачем мне этот чёртов Дар и, якобы, Дух Ладанеи, если они не помогают, когда очень нужно? Зачем мне всё это? Я тихая, домашняя девчонка, в комплексах, как рыба в чешуе, зачем мне корчить из себя супердевицу, спасти мир? Я хочу домой! хочу в ванну! Пусть меня шпыняют родные, пусть... только бы не сидеть на снегу зарёванной дурой...

«Уп – уп – уп»-внезапно разнеслось над головой, обда-

ло ледяным ветерком и на плечо опустился удод. Оживлённо стал тереться головой о мою мокрую щёку. Будто просил прощение.

– Ладно, подлиза, прощаю. Как там внизу? – Я погладила его собранный в чубчик хохолок. Удод боднул мою руку. – Что не так?

Удод щёлкнул клювом, изогнул для удобства шею и, словно пинцетом, щипнул мою ладонь. Что-то было в его поведении не так, точно просил развернуть руку ладонью вверх. Развернула. «Уп – уп – уп!» – обрадовался удод и, – я даже опомниться не успела, – смахнув клювом слезу с моих ресниц, поместил её в центр «кошачьей лапки», затем судорожно дёрнулся и... отпрыгнул мне на ладонь бурую каплю.

– Нет, так не пойдёт! – возмутилась я. – Я тебе не унитаз... – схватила пригоршню снега, вымыла руку, вытерла о колено. – Что за фамильярности? Этот плевок не в ладонь, а в душу мне... – Мной опять овладела истерика. Тряхнула плечом, сбрасывая удода: – Пошёл вон! Я тебя от спячки... а ты плевать... – по инерции, продолжала себя накручивать.

Заплёванная ладонь внезапно стала зудеть. Глянула: на мгновенье почудилось, что «кошачья лапка» ожила, показав и спрятав коготки. Порозовевшие подушечки мелко дрожали – возможно, и оптический обман, – притягивая взгляд. Розовое стремительно разбухало, расплзлось, а через минуту я будто стояла перед огромным розовым занавесом. Глазам стало больно, я зажмурилась, выдавливая слё-

зы сквозь ресницы... Но что это?! оказывается, я просто моргнула и теперь передо мной не розовый занавес, а широкоформатный экран. Камера плавно скользит вдоль склона, фиксируя мельчайшие подробности. Вот зигзагообразный след от «саней» Вадика. Здесь он ногой пытался выровнять движение, здесь едва не потерял лук, а здесь «сани» занесло так, что Вадик вывалился, но умудрился не выпустить «сани» из рук, зато потерял торок... А вот и он, Вадик, жив – здоров, сидит на щите и дымит. У него лицо и руки в кровавых ссадинах, вместо куртки лохмотья. Поднимает голову и машет рукой прямо в камеру, которая тотчас делает наезд на крупный план.

– Привет, долгоносик! Как там наша голова? Всё психует?

«Уп – уп – уп» – слышится в ответ и я, удивительно спокойно, осознаю, что нет никакой камеры: просто я вижу всё глазами удода. И слышу его ушами. Всё просто, как блин. Я спокойна, уверена...

– Классный жучок! – откуда-то из-за кулисы прорвался голосок Варьки. – И кассет не надо...

Я ещё раз моргнула – или всё – таки зажмурилась? – и «кино» закончилось. Белый гигантский занавес – и перед ним сидит единственный зритель. Кто: Варька или Ладанея? И что дальше? Варька уже показала себя истеричкой и плаксоной, а что сделает Ладанея? Взмахнёт ручкой, как волшебной палочкой, и ляжет на снег ковёр-самолёт?

Кукиш с маслом! Махала: никаких ковров – самолётов,

вообще ничего... И просила, и умоляла, и требовала – ноль внимания.

Нет, скорее всего, это была Варька. А Ладаня прокрутила «кино», закрыла будку и отправилась на покой. Что ей до какой-то Варьки, сидящей в снегу на склоне, а спускаться ещё ого – го сколько, поболее километра... Ну, так чего расселась квашнёй: подъём! Скажи тёте спасибо за «кино»– и вперёд! Ножками, ножками... Эй, погодите, постойте!! Димка! вы не показали Димку! Киномеханик, алё!

Впустую я до рези в глазах, всматривалась в ладонь, моргала и зажмуривалась. Кина не будет?! Неужели всякий раз, когда мне захочется что-то увидеть, угод будет плевать мне в ладонь?! Это что, плата за билет? Нечего сказать, оригинально... Прикольно... Ха-ха-ха!

Наверху зашуршало и, вместе с глыбами снега, рядом со мной остановился Димка. Живой и здоровый, с обалденно счастливой раскрасневшейся рожой.

– Варь, приколись: я могу себя перемещать! Супер! Только подумал, раз – и я на той стороне! Там тоже снег и больше ничего.

– Поздравляю. Теперь ты тоже... одарённый.

– Ты не рада? – Дима растерялся от моего раздражённого тона.

– Я в восторге! Я балдею, торчу, кайфую! Вы бросили меня... Угод оплевал... Все счастливы, одна Варька, дура, пусть... терзается, переживает... продирается через этот

чёртов снег...

– Варь, я это... ну, тоже переживал.... Хотел сразу обратно... не получилось.... В другом месте оказался... я это... ну, испугался, что уже не увижу вас.... Буду прыгать, как стрекозёл по горам.... Потом это... ну, я понял: не надо психовать, это... ну, сбивает с курса...

– Замечательно. Прыгай вниз... к брату. Может, ему помощь нужна. И ждите меня. Через год спущусь... Или когда рак на горе свиснет.

– Ты поэтому... ну, как бы злая?

– Не как бы! Не как бы!

– Варь, брось... Ерунда какая. Давай руку, сейчас мигом внизу будем. Только ты это... ну, не бойся.

Действительно, мигом. Ощущение такое, будто тебя резко крутанули на все 360 градусов: обдало ветерком, кровь остановилась, сердце подпрыгнуло к горлу. И всё! ты уже стоишь за милю оттого места. Лёгкое пьянящее головокружение, сердце на месте, кровушка снова бежит, тепло растекается по всему телу...

Вадик всё так же сидел на щите и грыз яблоко. Рядом, на спине Зебрика, полуразвалясь Юрик, по – вампирски высасывал грушу.

– Привет. Задержались, однако, – в привычной манере заговорил Вадик, снисходительно поглядывая на Димку. – А ты, значит, теперь у нас стрекозёл...

– Вадим, не начинай!

– Вот видишь, Юрасик, слова сказать не дают. Они – супер – пупер, а мы с тобой так... шнурки от валенок.

– Тебе самому не противно чушь молоть? Что ты всё из себя дурачка корчишь?

Вадик поднялся, размахнувшись, швырнул огрызок, глянул на меня с усмешкой:

– Ничего я не корчу. Я такой, какой есть. Запомни. И ты, стрекозёл, тоже.

– Его Димой зовут! В последний раз говорю: ещё обзовёшь... я... не знаю, что с тобой сделаю!

– Ах, какая жалость. Вот теперь мучайся, гадай: сразу убьёт или немного помучает?

– Лучше, конечно, помучить. С удовольствием!

– Садистские наклонности? – Вадик, ухмыляясь, смотрел мне в лицо. – Девочка, тебе в психушку надо, а не человечество спасать.

– Это тебе надо в дурдом! – встал рядом со мной Дима.

– О! Говорящий стрекозёл...

Я не хотела этого! Честное слово! Рука сама вскинулась...

Вадика отшвырнуло метров на пятнадцать, перевернуло пару раз и впечатало в снег.

– Достал! Я уже хотел рубануть... это, ну... – прерывисто выдавил Дима.

Юрик, то ли объелся, то ли подавился-принялся часто-часто икать.

Вадик не двигался. Мы с Димкой невольно переглянулись

и сорвались с места. Извлекли его из снега: Вадик был без сознания. Попытки привести в чувство – хлестали по щекам, выдавливали воду из снега на лицо – оказались тщетными. Дима подтащил щит, и мы уложили на него Вадика. Всё делали молча. Над нами кружил угод и, не то, осуждая, не то, сочувствуя, глухо «упкал».

Юрик всё никак не мог справиться с икотой: монотонность звуков вскоре стала казаться работой часового механизма – ик – ик – ик – ик...

– Да прекрати ты... – неожиданно для самой себя взорвалась, но тут же взяла себя в руки. Подошла к Юрику, присела на корточки и, осторожно, тремя пальцами похлопала по его спине. – Задержи дыхание, сколь можешь...

Через пол – минутки Юрик был в порядке: икота пропала. Дедулька рассыпался в благодарностях, но я оборвала его:

– Ты можешь определить, что с Вадимом?

– Не дано нашему брату знахарство. А вот ты можешь.

– Да не могу я! Не – мо – гу!

– Ладанея может...

– Задолбали вы меня со своей Ладанеей! Если она такая всемогущая, почему не помешала?

– Слаба ещё: заклятье-то не снято. Затем вас и отправили...

– Короче: что надо делать?

– Ладушка, помнится, просто рукой водила... Дроблёные кости становились цельными, новой кожей затягивались...

Я не стала более слушать Юрика: склонилась над Вадиком. Кажется, целую вечность я проносила руку над ним, то приближая, то, удаляя; меняла направление и рисунок движения, но ничего не происходило. В затылок мне дышал Дима, что весьма раздражало. Просто чудом сдерживала очередной взрыв.

– Ни черта не выходит!

– Ты, это... ну, расслабься, – зашептал над ухом Дима. – Ты на взводе... может это... ну, мешает...

Расслабиться? Легко сказать, а как это сделать? Мне этот поход – во как! – осточертел! Идиотская затея... Кто так делает: взяли с улицы... молокососов, навесили на уши спагетти – вы супермены! – и швырнули в эту Тмутаракань! Ежу понятно, что мы психологически не подходим для сплочённой команды... И наши Дары... как обезьяна с автоматом... Хочу домой! Хочу домой! Эй, вы! Заберите ваши подарки и верните меня на место, в Питер!..

Что это?! Перед глазами уже знакомый розовый занавес... Вновь сухая резь в глазах... зажмуриваюсь, выдавливая слёзы. Или просто моргнула? И опять «кино»: белая простынь, а на ней...

Фу! какая гадость! НЕ ХОЧУ Я ЭТО СМОТРЕТЬ!!!

Пытаюсь закрыть глаза, но они меня не слушаются, наоборот, пристально, дотошно всматриваются. С первого взгляда показалось, что это муляж скелета со всеми внутренностями, красочными, будто иллюстрация из медицинской энцикло-

педии. Со второго взгляда, я понимаю: это... живой скелет. И не просто чей – то, а именно Вадика. Проще говоря, я видела его насквозь, до микроскопических «деталек». Жуткое «кино»...

Я, наконец, с наслаждением моргнула – или всё же зажмурилась? – и «кино» закончилось. Дима с Юриком смотрели на меня такими глазами, точно я неделю провалялась в коме и вот очнулась. И радость и тревога сплетены в тугой жгут, изогнутый вопросом: КАК?

– Три ребра сломаны, почка отбита, внутреннее кровотечение, – слышу я свой голос и не узнаю себя: откуда эта уверенность и... спокойствие профессионального врача?! – Кровотечение устранила, остальное... не в моих силах...

– Он... умрёт? – потемнел лицом Дима.

– В этих условиях... да. Когда очнётся, его может убить болевой шок. У него слабое сердце. Обезболивающих у нас нет, гипс не из чего сделать...

– Как же... Рубашка... это, ну... баба Ньюра говорила... это, ну... обереги. Почему же? – горячий, похожий на бред, шёпот Димки вдруг сменился истерическим криком: – Ты что, ненормальная!? Зачем так бить? Не могла слегка? Идиотка! ты убила его!

– Слушай, заткнись! Сам-то лучше? Хотел ведь рубануть? Хотел! Я просто опередила тебя, иначе сейчас, вот здесь, лежали бы две половинки!.. Так что заткнись! Не зли меня!

Дима с ужасом смотрел, казалось, боялся даже моргнуть;

губы его по-детски дрожали, выдавая внутренний плач.

Я обратилась к Юрику:

– Помнишь, ты подарочки мне всучил? Говорил: подмоги, в крайнем случае. Вот он тот случай. И?

Юрик весь скукожился, вжался в полотенце, затаил дыхание – спрятался.

– Как это понимать?! – Схватила полотенце и вытряхнула Юрика, точно мышонка. Залопотал, воздев ручонки:

– Варуня, золотце, не гневись! Ладанеюшка, надёжа наша и защитница!.. Ты ж знаешь, сколь веков подарочкам тем... я уж не ведаю, осталась ли силушка в них чародейная, али сгинула. Вон и сорочки Нюркины пустые...

– Ах, ты, обмылок! На боже, что нам не гоже?! Совесть у тебя есть, грушеед?!

– Не гневись... я ж от чистого сердца... Думал: ежели там потеряли силушку, може тут... обретут...

Я лихорадочно рылась в своём тороке, едва сдерживаясь от злости и желания... втоптать этот сказочный персонаж в снег, и поглубже, чтобы не видеть и не слышать...

Вот и он, заветный мешочек. Развязав, вытряхнула перед Юриком его подарки.

– Ну? Что мне с ними делать?

– Обломи зубок, неуверенно сказал Юрик, – кинь в сторонку... через левое плечо... Молви: Упади мягко, сделай гладко...

Я подняла расчёску, отломила зубок и, проговорив нуж-

ные слова, бросила влево, метра на два. Упал на снег, как спичка, лежал секунду-другую и... провалился.

– К землице пошёл! – несказанно обрадовался Юрик.

– А если здесь снегу как в Антарктиде? Сколько лет эта щепка будет идти до землицы?

– Погодь чуток, – отмахнулся Юрик, не отводя глаз оттого места, где провалился зубок.

Мы подождали минуту, вторую третью...

– Голый Вася, – упавшим голосом сказал Дима. – Варь, может это... ну, ещё один?

Я потянулась отломить второй зубок, но замерла на пол – пути: там, где провалился зубок, снег зашевелился, чуть вздыбился и, наконец, лопнул, отвалился кусками в стороны, а из глубины высунулась... настоящая ветка берёзы. ЖИВАЯ! Она была небольшой, сантиметров десять, листочки крохотные, бледно – зелёные.

Вот ведь была уверена: уже привыкла к сказочным чудесам, как к реальной жизни, но эта веточка так поразила, что я долго ещё пребывала в полушоковом состоянии. Дима, думаю, тоже. Пожалуй, нас поразило не сам факт чуда, а именно берёзовая живая веточка... Мы уже изрядно устали от снега, временами казалось, что мы блуждаем по этому белому безмолвию не часы, а недели, месяцы... И вдруг такое... словно веточка-посылка из далёкого дома...

Юрик забавно всплескивал ручками, что-то выкрикивал на непонятном языке и... обливался счастливыми слезами:

– Есть силушка! Не исчезла!..

Когда мы с Димой, наконец, пришли в себя, то кинулись к веточке, плюхнулись рядом и, точно безумные, принялись разгребать снег вокруг неё. Чем глубже, тем толще становилась веточка, бледнее листочки-иные вообще завядшие и опадали от малейшего прикосновения. Мы и не заметили, как вырыли яму глубиной около двух метров. Веточка на самом деле являлась макушкой дерева: всё время, утолщаясь, ствол уходил в глубь снега. Зелёное чудо было недолгим: минимум через десять минут листочки скукожились и осыпались, а вскоре и сам ствол погиб. Обычное давно высохшее дерево. Дрова, одним словом.

– И на этом спасибо. Сделаем шины Вадику, раз гипса нет. Да и костёрчик не помешает.

Топора у нас не было, поэтому Диме пришлось орудовать мечом. Получалось не хуже. В следующие час или два – трудно сказать, ибо время стояло, – мы трудились как пчёлки. Сперва Дима вырубил две метровых чурки, которые расколол на дощечки, затем мы раздели Вадика до трусов – он всё ещё был без сознания – и наложили шины. Я ещё раз заглянула внутрь Вадика – на этот раз без особых усилий и глазной боли, и без отвращения, – выпрямили его тело так, чтобы сломанные рёбра состыковались в местах разломов, обложили дощечками и стянули полосками разрезанного полотна. Юрик, скрепя сердцем и со слезами, расставался с подарком.

Развели костёрчик, но, едва разгоревшись, он провалился – снег под ним растаял.

Над нами кружил угод и плаксиво упкал.

– Слушай ты, упка, достал! – взорвалась я. – Без твоего нытья тошно. Лучше бы окрестности осмотрел, может, что интересное увидишь.

Угод молча улетел. Похоже, обиделся.

– Остынь, Варь. Всё будет тип-топ...

– Дим, не надо! Ты сам не уверен, так чего мне тут кисель разводить... Стоп! Битые кувшины...

Я достала «скатерть», развернула. «Меню» было то же самое. Взяла останки кувшина – через секунду появилась вторая половинка. Короче говоря, из груды черепков мы сложили подобие очага и вновь разожгли костёр.

Дима, между делом, опустошил блюдо с киселём и умял добрый кусок пирога.

– Натаем воды... может, это... ну, Вадим пить захочет...

Ах, Вадим, Вадим, что же нам делать? Тебе лекарства нужны, а у нас даже банального аспирина нет. Баба Нюра, о чём ты думала только... Послала несмышлёнышей чёрт знает куда, а аптечкой не снабдила? На что надеялась? На свои рубашонки? Вот результат: первое испытание не выдержала...

Юрик, травмированный потерей подарка, совсем раскис. Вид у него был жалкий и жалостливый.

– Алё? Ты тоже решил заболеть?

Юрик не ответил, лишь протяжно вздохнул.

– Жалеешь, что увязался за нами?

Стрельнул в меня щёлочками глаз и отвернулся.

– Подумаешь, цаца какая! В обед две тыщи лет, а надулся, как ребёнок: ах, любимую тряпочку отобрали... Дим, освободи ещё одно блюдо.

Дима не заставил себя ждать. Как он может это есть?! Овсянку я с детства на дух не выносила, даже когда её сдабривали любимым вареньем. Получалось вроде этого киселя: переслащённая размазня.

Опустошённое блюдо Дима старательно вымыл и обсушил над костром.

Я оттянула рукав свитера насколько возможно:

– Режь.

Дима недоумённо пожал плечами, взял меч.

– Где?

– Отступи немного от пальцев. Так. И второй рукав тоже.

Один обрезок я уложила на дно блюда.

– Давай сюда эту разобиженную дитятку.

Дима добродушно усмехнулся, осторожно взял в руки разворчавшегося Юрика и опустил в блюдо. Второй обрезок рукава я положила сверху, как одеяло. Юрик перестал ворчать, расплакался, рассыпаясь в любезностях:

– Благодарствую, Светозарная Ладушка! – и всё в таком духе.

– Ладно, Дюймовочка, отдыхай.

Блюдо подвинули ближе к огню. Юрик долго возился, хлюпал носом, обещал золотые горы и кисельные берега, как только соединится со своими. Наконец, затих, тоненько захрапел.

– Я бы тоже придавил тряпки часок – другой, – мечтательно вздохнул Дима.

– Кто против... Что дальше-то делать? Надо идти, но как? Я, думаю, трясти Вадика... нежелательно...

– Я тоже думаю об этом, – Дима наколот на меч кусок пирога, занёс над костром. – Может, это... ну, попробовать как тебя...

– Поднимешь?

– Не знаю. Попробую...

– Хорошо бы. Вот не хочется думать, а не могу... Боюсь я, Дима, что...

– Что?

– Не знаю, как сказать...

– Сломается лифт от перегрузки?

– Во! Это я и хотела сказать.

– Я тоже это... ну, как бы боюсь... Будешь? – протянул мне кусок горячего пирога.

Я не хотела, но взяла. Вяло, абсолютно без аппетита, стала есть. Дима же молотил, как мясорубка.

– Может, рискнём, а? – спросил, накальвая второй кусок.

– Нет! Ты сначала порожняком... проложи курс.

Сказала, и тут же подумала про удода: где его носит нелёг-

кая? «Кино» включилось поразительно легко, как телевизор. Снег да снег кругом, путь далёк лежит...

Мы находились на дне ущелья, которое влево уходило почти ровным разрезом и расширялось. По обе стороны горы, различной высоты и форм. Отсюда, с высоты птичьего полёта, создавалось впечатление детской песочницы с забытыми игрушками, присыпанными снегом. Песочница детей-великанов.

«Спасибо, Уп, – мысленно поблагодарила. – Возвращайся.»

– Вперёд идти бессмысленно: там сплошные горы.

– Откуда знаешь? – быстро спросил Дима, глянул на меня и отвёл взгляд. Он видел, что и как во время своих прыжков, но скрыл правду. Видимо, не хотел расстраивать, ещё больше накалять обстановку.

– Знаю, – Я почему-то решила не открывать свою связь с Упом – похоже, это имечко прилипнет к удоду. – Пойдём вниз, по ущелью. Скорее всего, выйдем в долину. Я так думаю...

– Может, мне это... ну, смотаться... разведать?

– Валяй.

Так с куском пирога в руке и исчез. Я подбросила полешек в костёр и обратилась к Вадику. Попыталась в сотый раз привести его в чувства, но безуспешно. Дрыхнет, что твой сурок. Внутри, вроде, ничего опасного. Так, небольшие воспаления и, следовательно, повышенная температура. Смочи-

ла губы его тёплой водичкой, остудила лоб снегом – что я ещё могла сделать...

Вернулся Уп. Плюхнулся мне на плечо, холодный как ледышка. Пересадила его на колени, подвинулась ближе к огню. Отогревшись, Уп благодарно, по голубиному загукал. Накрошила на руку пирог, протянула:

– Ешь. И прости, что на тебя накричала. Нервы, понимаешь. Сам видишь, ситуация аховая.

Уп понимающе гукнул.

– Почему ты не говорящий? Рассказал бы, посоветовал, что и как. Ты же тутошний.

Уп перестал клевать, уставился на меня. Хохолок нервно раскрывался и собирался в чубчик.

– Что? Сказать что хочешь?

Уп молчал, смотрел пристально, и глаза его, казалось, заполнились слезами. Я погладила пальцем его грудку:

– Не огорчайся. Выше клюв, пробьёмся! Найдём это чёртово Зерно, и ты его склюёшь. Договорились?

– Уп, – сказал Уп.

Рядом с костром возник Дима, облепленный снегом, как снеговик. Рухнул на колени, протянул к огню красные, точно лапы гусака, руки.

– Там... там... – он силился что-то сказать, но губы плохо слушались. Он был мокрый, что называется, насквозь. Я кинулась стряхивать с него налипший снег.

– Снимай! Всё, простудишься. Что случилось?

– О... оз... думал... твё... твёрдое... провалился... Там... там... люди!

Глава 7

Ущелье, действительно, выходило в долину. Она была небольшой и сверху напоминала форму для выпечки кекса. За километр до выхода в долину, ущелье вновь сузилось, изобразив скошенную голову змеи. Но змее не суждено было вырваться на простор: либо землетрясение, либо иное стихийное бедствие обрушило тысячи тонн горной породы на бедную голову.

Третью часть долины занимало озеро. Питал его тёплый источник, который вырывался из-под подошвы горы, где мы сейчас расположились. Ждали, когда Дима отдохнёт и придёт в норму. Ему удалось перебросить нас на эту гору, но как я и опасалась, случился перегруз. Дима ослаб, у него кружилась голова, его постоянно тошнило и, паузами, шла из носа кровь.

Я была на грани срыва: Вадик всё ещё в коме, теперь Дима, неизвестно каких последствий ожидать... Говорила же, говорила: давай по очереди – сначала Вадика, потом меня. Упёрся как барашек: всё сразу. Дима взял брата на руки, я обвесилась оружием, сунула спящего Юрика за пазуху, туда же Колобка, Зебрика подмышку, одной рукой держала Упа, другой – руку Димы. Такой гроздью и грохнулись на гору, в пяти шагах от опасного края. И вот уже часа полтора кукуем здесь. В целом всё окэй. Надеюсь, что Дима отдохнёт,

восстановит силы, и мы спустимся в долину. Без него нам крышка: долина окутана паром-туманом, сквозь него почти ничего не разглядеть.

Уп поднялся в воздух: его глазами я увидела, что по всей округности горы обрывались отвесно, плюс эти стены обледенелые. Пар-туман в основном с нашей стороны, где начинаются горячие источники и впадают в озеро. Ближе к центру долины его практически нет, так, небольшая дымка. Здесь же начинается первый ледок, тонкий и прозрачный, а далее, по мере приближения к берегу, лёд становился толще; местами так присыпан снегом, что и не понять: ещё озеро или уже суша. До самых «стен» берег неровный: вершины, впадины, мини – ущелья, плато. Словно кто-то, забавы ради, построил макет местных гор. И была в этом макете плешь размером с футбольное поле. Она сразу бросалась в глаза, ибо снег имел иной цвет.

Я, мысленно, попросила Упа снизиться. Да, снег отличался, потому что был вытоптан. Следы людей и животных! Наиболее плотная полоса следов возникала из нагромождения снежных валунов. Скорее всего, там вход в пещеру. Непонятно только, почему за столько времени – около двух часов – никто не обнаружил нас. Как это понимать? Узнали про нас и спрятались? Или что-то другое? Короче:333 варианта, нужно подчеркнуть.

Остаётся ждать и гасить, гасить раздражение и желание взорваться. Чтобы хоть чем-то заняться, дважды проверила,

как дела у Вадика. Всё по-прежнему. Вид его – беззаботно спящего – не снимал, а усиливал раздражение. Впрочем, как и этот любитель обмылков: дрыхнет себе под боком у Вадика и хоть бы хны. Беспольный довесок...

На краешке щита сидит Дима, бледный, потный, тяжело дышит. То прикладывает к носу снежок, запрокинув голову, то мучается волнами подступавшей тошноты – плюётся, тихо матерится.

Мне жалко его, но я не знаю, чем помочь и это бесило. Единственный, кто сейчас меня понимал и разделял моё настроение, был... Колобок. С того момента, как я извлекла его из-за пазухи, он не находил себе места: метался вдоль обрыва, подпрыгивал, словно хотел рассмотреть, что там внизу. Похоже, его тоже бесила безвыходная ситуация, а ведь он Проводник. Возможно, у него был СВОЙ путь, но им пренебрегли, сунули за пазуху и притащили сюда.

Колобок в сотый раз покатился вдоль обрыва.

– Дим, ты как?

– Спасибо, отвратительно...

Что же делать? Ждать, бездействовать не вмоготу. Ау, Дух всемогущей Ладаней, где ты? Помогите, пожалуйста, надоумьте!

Ни гу-гу. С богами, видимо, всегда так: когда позарез нужны, не дозовёшься, не докричишься, а стоит самому, наконец, найти решение проблемы – они тут как тут, проникают в сознание и внушают, что это они помогли тебе. Послали озарение и всё такое... И ты, дурачок, веришь... потому что

охмурённый. Подобные мысли одолевали меня с детства, а окружающая жизнь лишь подтверждала, подливая масло в огонь.

Хотя бы такой случай: была у нас историчка, Светлана Павловна, в молодости ярая комсомолка, активистка, затем училка, свято верящая в коммунизм, и что красные – замечательные, белые – выродки, что религия опиум для народа... И вдруг – раз, всё перевернулось с ног на голову: красные – варвары, Ленин-Антихрист, коммунисты-фашисты, белые-герои, религия-спасительница, коммунизм-утопия, придуманная жидомассонами, дабы нас, русских, сделать вечными рабами. Только возврат к Богу, только православие спасёт нас. Долдонила на каждом уроке. Но, увы! чем больше она говорила, чем сильнее в это верила, тем хуже становилась её жизнь. Сначала её муж, по пьяной лавочке, повесился в туалете, затем сын загремел в тюрьму за участие в рэкрете, дочь, моя ровесница, загнулась от передозировки героина. Только – только Светлана Петровна оклемалась от пережитого, как однажды вечером – возвращалась из церкви – на неё напали малолетние отморозки, затащили в подвал и изнасиловали. А неделю спустя квартиру обчистили. Так эта дурёха продолжала гнуть своё: Бог избрал её, посылает испытания. Хорош боженька, с наклонностями садиста и маньяка!

Или взять Россию. Президенты, члены правительства, вчерашние коммунисты, со свечками в храмах стоят, руч-

ки священнику целуют, церковей понастроили, старые восстанавливают, мощи святых перетаскивают с места на место, устраивают масштабные религиозные праздники. И что? Бог и святые оценили это? Кукиш с маслом! Жизнь стала втрое хуже: преступность возросла, бомжи, беспризорники, чеченские войны, терроризм и тэдэ и тэпэ. А боженька бездействует! Почему?! Ах, да, он мудрый и милосердный, посылает нам испытания, для очистки души... Дикость, маразм! Если моё безвинное дитя взорвут где-нибудь в переходе метро, у театральной кассы, да и просто на улице случайно пулей прошьют, я должна встрепнуться и с благодарными слезами – не горестными! – припасть к стопам Бога: спасибо, Всевышний, что избрал меня, что, послал испытание, теперь у меня очистилась душа... Кретинизм какой-то!

Нет, таких Богов нам не надо! Да и какие они к чёрту боги, так, свора прыщавых юнцов и жиреющих обывателей, стусовались, засели у «ящика», трескают пивусик с чипсами и балдеют от бесконечного сериала «Жизнь человека»...

Я, буквально, слышу визгливый крик фанатеющей исторички: это кощунство! это святотатство! Бог покарает тебя!.. Во! только это он и может: карать! Всех подряд, включая младенцев. Маньяк! Типа того, из американского фильма, который считал: нужно половину человечества планеты разом уничтожить, и тогда вторая одумается, станет жить по Совести, чтя Добро, Любовь и Справедливость. А не пошли бы вы, дорогая Светлана Петровна, куда подальше со своим

богом и его тусовкой апостолов и святых!..

– Варь, ты в порядке? – со стоном окликнул Дима. – Побелела вся... трясёт...

– В порядке... если всё это можно назвать порядком...

– Извини... я не думал, что так получится...

«Уп – уп – уп»-донеслось издалека. В обозримом пространстве Упа невидно. Я включила «кино». Опять эта вытопанная площадка, только... Из-за камней выбежали и резво рассыпались в разные стороны козы. Большие и маленькие, всех цветов и оттенков. Упитанные и жизнерадостные. Чем же их кормят в краю вечного снега? Кто они, хозяева?

Словно отвечая на мой вопрос, из-за камней появился... кентавр!!!

Шок был несильный, видимо, сказалось то, что сказочно-фантастическое уже прочно вошло в мою жизнь и новый персонаж или чудо-это лишь числительное в очереди. Хотя, возможно, и другое: для Ладаней обыденность, а Варька всякий раз в ужас приходит, тщетно пытаюсь убедить себя, что это сон, глюк...

Уп опустил ниже. Кентавр вскинул голову, долго с нескрываемым любопытством рассматривал чудом появившуюся птицу. С таким же интересом я гладела на кентавра. Совсем мальчишка, до пояса, разумеется. Пышная копна волнистых молочно-белых волос, такие же, но уже именуемые шерсть, покрывали лошадиную часть. Роскошный пушистый хвост. Несмотря на дикое несоответствие, этот

мутант, гибрид выглядел... потрясающе красиво. Буквально притягивал взгляд, заставляя любоваться и восхищаться.

Кентавр улыбнулся, вытянул руку и Уп опустился на неё. Мне стало весьма не по себе: голое тело мальчишки во весь «экран», каждая жилочка, родинка, волосок...

«Уп, я не хочу это смотреть!»

Уп поменял положение головы: «экран» заполнили козы, резвящиеся, мекающие, либо меланхолично жующие жвачку.

– Как ты попала сюда, пичуга? – внезапно зазвучал в ушах приятный грудной голос. – Чья злая прихоть забросила? Ты, верно, голодна и замёрзла? Идём, угощу зерном и червячками. Отогреешься.

Панорама с козами исчезла и на «экране» появились огромные каменные глыбы, частично заснеженные, частично заросшие ледяной чешуёй и сосульками. Между ними узкий проход. Поворот – и рукотворная арка, вход в пещеру. Роль двери выполняет завеса из каменных бус: камешки размером с мизинец аккуратно обточены, со вкусом подогнаны друг к другу. За завесой широкий и просторный коридор, сводчатый потолок. Стены отполированы, точно мрамор и разукрашены картинами. Поражала их тематика: пейзажи, где главенствовал зелёный цвет – деревья, трава, даже пёстрые цветы были с зеленцой. Всё росло, цвело, радовалось солнцу, тянулось к чистому голубому небу. Здесь, в краю вечного снега, вечного зимнего дня, картины казались

фантастикой, выдумкой художника.

По обе стороны, строго по прямой, в стенах на уровне среднего человеческого роста вырублены небольшие ниши, дно которых подобие чаш. В них что-то шевелилось, мерцало, тускло светилось. Все вместе чаши давали довольно приличное освещение.

Коридор вдруг оборвался, точнее, поделился на десяток поуже. Отовсюду слышался гул, сразу и не сообразить, на что похож.

Кентавр свернул вправо, прошёл по сумрачному коридорчику и вышел... на площадь. Здесь было светло, как и снаружи, от многочисленных чаш на стенах и потолке. Площадь овальная, выложена мозаикой и отполирована до блеска. В центре ромбовидный резервуар с водой. Площадь упиралась в стены, которые сплошь в дырах, как соты. Отверстия соединялись между собой вырубленными тропинками и лесенками. Из отверстия вырывались голоса, смех, пение, детский плач. Всё вместе и создавало тот необъяснимый гул.

Кентавр что-то крикнул и гул стих, чтобы через секунду стать громче и ещё невообразимее: из отверстий выбегали люди. Самые настоящие: две руки, две ноги и всё остальное, как полагается. Только... одни женщины. Старые, пожилые, молодые и совсем маленькие девочки. В считанные секунды площадь заполнилась оживлённой толпой. Все одеты в однотипные вязаные из козьей шерсти платья, различались только расцветкой и наличием всевозможных фенечек. Говори-

ли все разом, громко. Эхо билось о своды, дробилось: шум стоял невероятный. Толкались, тянулись рассмотреть поближе Упа, коснуться его. Сотни лиц, ещё более рук... Бедный Уп!

– Тихо! – закричал кентавр и, похоже, топнул копытом.

Воцарилась тишина.

– Эта дивная пичуга попала к нам... Не ведаю, как и зачем, но её появление... добрый знак! Должно случиться... хорошее...

Радостное оживление в толпе.

– Не будем пугать её...

Толпа отпрянула и рассыпалась, грубо говоря, по своим норам. Одни оставались на тропинках, садились на ступеньки, другие скрывались в лазах, чтобы вскоре появиться с каким-либо предметом в руках. Через пару минут рядом с резервуаром появился изящный каменный столик, на него водрузили металлическую конструкцию – абстрактное дерево. К одной из «веток» прикрепили корзинку, сплетённую из кожаных ремешков – гнездо для Упа. У подножия «дерева» сгрудилась череда глиняных тарелочек, мисочек с кормом: зерно, хлебные крошки, червячки, жучки. Когда всё было готово, и на площади остался только кентавр, он опустил руку и Уп спрыгнул на стол. Вновь воцарилась напряжённая тишина: все, затаив дыхание, следили за дивной пичугой. Уп деловито обошёл все блюда, в каждом поклевал.

«Ты про нас не забывай... и смотри, не обожрись. Извини

за грубое слово, но тебе столько вкусок нанесли... «← послала я мысленное послание.

Уп самодовольно развёл хохолок во всю красоту, мотнув головой, издал громко:

– Уп – уп – уп!

Мне почудилась в его крике обида: мол, за кого ты меня принимаешь?

«Прости, прости! Ляпнула неподумавши».

– Уп – уп – уп – уп, – потише и в иной тональности, видимо переводилось так: «Хорошо, прощаю. В другой раз следи за словами. Пичугу легко обидеть.»

«Ладно, Уп, я отключаюсь: что-то виски ломит...»

И не только виски: на глазные яблоки, будто, пальцами давили. И ещё лёгкое подташнивание. Должно быть, у меня та же история, что и у Димы: перегрузка. Наши Дары едва проклюнулись, а мы уже эксплуатируем их, как взрослых.

В мои ноги бился Колобок: от возбуждения, у него даже нить распустилась.

– Ну, что ещё?

Колобок откатился и замер, ниточка завилыла, точно хвостик. Интуитивно я догадалась: приглашает последовать за ним.

– Хорошо, давай прогуляемся.

Колобок метнулся вдоль обрыва. Я последовала за ним, проваливаясь по колено в снег.

– Алё, не так шибко. Мне не угнаться за тобой.

Колобок сбавил темп. Внезапно, испугав меня, рядом прошуршал Зебрик, вышел на колею Колобка. След Зебрика держал меня: словно по бетонной дорожке пошла. Метров двести, думаю, прошла, когда Колобок остановился.

– Дальше что?

Колобок осторожно приблизился к самому краю, спустил нить вниз.

– Ясно: хочешь, чтобы я посмотрела. А не грохнусь?

Зебрик съехал с колеи и бесстрашно принялся утюжить снегу самой кромки. Утрамбовав площадку, метр на метр, Зебрик скромно скользнул в сторону.

Я опустилась на площадку, чуть подтянулась к краю иглянула вниз. Глубина, конечно, стеганула по нервам, даже спине стало знобко. То, что хотел мне показать Колобок, я отметила сразу: трещина, почти от края и до самого низа. Широкая и ребристая – природные ступеньки. Вообще-то мысль Колобка ясна, но...

– Только сумасшедший рискнёт спускаться здесь без альпинистского снаряжения, – сказала я, вставая. – Ты, конечно, не подумал об этом?

Колобок отпрыгнул на чистый снег и принялся лихорадочно что-то чертить. Я в чертежах, как свинья в апельсинах, но приблизилась, с умным лицом всмотрелась. Собственно, рисунок не был сложным: Колобок предлагал закрепить конец его нити за вон тот валун – в трёх шагах от нас, присыпан снегом, – а сам Колобок кинется вниз, размотавшись. Идея

неплохая, только меня чрезвычайно смущала тонкость нити, вернее, её прочность. Хотя... ведь это не просто шерстяная нить, а из шерсти самой Земун – коровы...

Подошёл Дима. Видок у него был ещё тот... Я, невольно, усмехнулась.

– Да, да... – закивал головой Дима. – Похоже, как с бодуна?

– Похоже. Вот тут наш Проводник предлагает спускаться по его нити. Что скажешь?

Дима поморщился, потряс головой:

– Чёрт, задолбала эта тошнота... А выдержит нить?

– Вот и я о том же. Но если хорошо подумать... наш Проводник особенный... раз предложил себя, значит уверен...

– Если хорошо подумать, – продолжил Дима в моём тоне, – то Колобок тыщу лет провалялся в шкатулке бабы Нюры, сюда попал вместе с нами... – Дима вновь затряс головой, взял горсть снега, сунул в рот, подержал и выплюнул.

– Что ты хочешь сказать? Что может случиться синдром «перегрузки»?

Дима кивнул. В сущности, он прав: либо все эти сказочные вещи от долгого бездействия ещё не вошли в Силу, либо здешнее безвременье ослабляет их магические свойства. И то и другое не позволяет нам полностью доверять, в данном случае, прочности нити...

– Что же делать? Сколько продлится твой... бодун? Ещё час? два? день?

– Давай рискнём. Только первым пойду я. Во – первых, самый тяжёлый, во-вторых, если нитка не выдержит... я не смогу разбиться. И позову на помощь аборигенов.

«Ух, ты! – обрадовалась Варька. – Он заговорил целыми фразами, не разрывая их «это... ну!»! Что бы это значило?»

– Убедил, – сказала Ладанея, – рискнём.

Мы перетащили Вадика и нехитрые наши вещички. Колобок всё время вертелся под ногами, не то, подгоняя нас, не то, волнуясь от предстоящей его роли. Валун, присыпанный снегом, оказался велик: чтобы его обвязать уйдёт слишком много нити. В одном месте Дима обнаружил трещину и предложил вставить в неё Спицу, а к ней уже привязать нить.

Не помню, я уже говорила, что наше оружие давалось лишь в руки хозяину? Ничего, повторюсь. Ни Дима, ни Вадик – пробовали! – не могли даже оторвать от земли мою Спицу. А когда мы перебрасывались, и мне пришлось держать оружие ребят, то ощущение было дикое: казалось, не щит держу, а целую массивную кровать, на плече не лук, а бухта стального троса, не меч, а стальная балка. Не представляю, как все эти сотни кэгэ выдержало хрупкое тело Варьки. Не иначе Дух Ладанеи подмог...

Вот и сейчас, забывшись, Дима хотел взять Спицу, но только ухнул болезненно, схватился за голову, ругнулся в пол голоса:

– Железяка хренова!

Я промолчала, хотя и порывалась что-нибудь сказать. Взя-

лась за Спицу, и она, родимая, припала к руке, питая мускулы силой. Размахнулась вроде не сильно, направила остриё в расщелину, и ударила. Результат нас с Димой вогнал в шок: валун разлетелся в куски, словно внутри его взорвался динамит. Удивительно: нас не задел ни один осколок, а вот Зебрику и Юрику (не вовремя надумал проснуться!) досталось. Зебрика отшвырнуло метров на десять и забило в снег. Юрику, конечно, крупно повезло: чиркнуло мимолётом по руке чуть выше локтя – рассекло мякоть в кровь. Никогда бы не подумала, что в такой крохе столько крови: она хлестала фонтанчиком. Юрик стал белее снега, выл на одной ноте и закатывал глаза. Я кинулась к нему, – скорее Ладанея, чем Варька, – разорвала ветхие тряпицы, обнажив рану.

– Дима, не стой столбняком! Отруби кусок нитки! – заорала я, приводя его в чувства.

Перетянули Юрику руку у самого плеча, перевязали рану – на бинты Дима пожертвовал свою майку. Когда всё закончили, Юрик вырубился: либо заснул, либо потерял сознание.

– Ещё один коматозник, – сказала я, смывая снегом кровь с рук. – Суперпутешествие...

– Кто ж знал... – словно оправдываясь, промолвил Дима и полез за Зебриком. Бедняге осколком срезало ухо, а один осколок застрял в боку. Дима мечом выковырнул его, осталась рваная удручающая вмятина.

– Хорошо хоть ему не нужны бинты.

– Да. Ну, что, от валуна остались крошки. Куда будем при-

вязывать нить?

– Элементарно, Ватсон! – притворно бодро сказал Дима, при этом морщась и судорожно сглатывая. – Вгонишь Спицу в снег, к ней и привяжем. Потом, когда мне станет лучше, вернёмся за ней.

– Годится.

Я довольно легко вогнала Спицу в снег по самую «шляпку». Нетерпение Колобка, похоже, было на пределе: едва Дима привязал нить к Спице и ещё не закончил слово «Готово», как наш Проводник самоубийцей кинулся вниз с обрыва. Дима взялся за нить:

– Я пошёл.

– Удачи и мягкой посадки!

Дима послал меня к чёрту, пропустил нить за спину, как это делают альпинисты, – по телику видела, – и осторожно начал спуск. Нить натянулась, как струна, завибрировала, рождая дикую мелодию. Я плюхнулась на площадку, свесив голову вниз и затаив дыхание.

Дима втиснулся в трещину боком. Теперь он упирался спиной, и ноги прочно стояли на выступах; нить помогала сохранять равновесие.

– Ты как? – наконец, выдохнула я, не в силах более сдерживать дыхание.

– Окэй. Счас отплююсь и мухой вниз...

Неуклюже, порой едва, не вываливаясь из трещины, Дима упорно спускался. Вскоре я уже перестала различать его на

фоне разлома, лишь ноющая нить говорила: порядок! Внезапно нить выдала иную мелодию: если до этого её, будто хаотично подёргивали, то сейчас, словно, оттянули и отпустили.

– Что случилось? – закричала, слабо надеясь, что Дима услышит.

Нить замолкла, обмякла. Спустился или... сорвался? Скорее всего, второе: так быстро спуститься не смог бы и альпинист-профи...

Я потянула нить, и она легко подалась мне навстречу. Вытянув её всю, глянула на конец: непохоже на обрыв. Ладно, не буду ломать голову, а привяжу Зебрика, тороки и спущу. Если всё в порядке, нить вернётся пустая.

Вернулась пустая! И вот тут я крепко призадумалась: в горячке мы с Димкой упустили главное – как спускать Вадика? Если как вещи, то покалечим ещё больше: будет биться о камни... Ау, Ладаня, ПОМОГИ!

За моей спиной что-то грохнулось в снег, я резко обернулась: Дима?!

– Знаешь, мы совсем не подумали... – отплёвываясь, с трудом выдавил Дима, копошась в снегу.

– Как раз стою и ломаю голову...

– Не ломай... выхода нет, – Дима поднялся на ноги, качнулся, но удержал равновесие. Он был бледен, пот струился по лицу. – Я спущу его...

– Уверен?

– На 97 процентов... – Дима попытался улыбнуться, но получилась гримаса боли.

– А три процента, это...

– Упадём со второго этажа. Не бери в голову: аборигены, ведь, рядом, помогут. Всё, хватит тоску нагонять, – Дима приблизился к брату, наклонился, заглянул ему за пазуху, где всё это время находился закутанный в тряпки Юрик. – У коматозников тихий час. Не будем будить. – Дима опустился на колени, просунул руки под брата, приподнял; его качнуло и завалило набок.

Я кинулась помочь, но Дима с ношей исчез. «МЯГКОЙ ПОСАДКИ!!!»

Наблюдая сверху, как спускался Дима, я уверилась, что это не сложно. На самом деле, оказалось ужасной пыткой: нить врезалась в тело, обжигала, ноги всё время дрожали и норовили соскользнуть с выступов, в спину точно колом кололи...

Я спустилась на метр, а уже не было мочи терпеть эту пытку. Варька зашлась в истерике, застыла в трещине рогулькой – распоркой и наотрез отказалась двигаться. Визжала, проклиная всё на свете:

– Хочу домой! Отправьте меня назад!! Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ!!!

А Ладанея? Я была убеждена на 500 процентов, что ею и не пахнет. Но кто тогда забивал мне уши всякой ерундой типа: у тебя уже были трудные сто метров в образе Дюймовоч-

ки, ты одолела, смогла, сможешь и сейчас. Соберись! Или: любой из твоего класса, из твоей школы, из школ всего Питера, самый – самый, окажись на твоём месте, так же визжал бы от страха, ежесекундно умирая от ужаса, что грохнется в бездонную пропасть... Но ты не они: ты особенная, ты Избранная...

– Иди ты к чёрту!!!

Трёп в ушах не успокаивал, не мобилизовал, а, напротив, раздражал, распалял ещё больше истерику. Воистину: у страха глаза велики... Мне уже казалось – я почти видела это! – что ещё чуть-чуть и ноги не выдержат напряжения, сломаются, как спички, нить разрежет многострадальное тело надвое... и Варьке наступит каюк...

Нет, вот ползёт змея, она уже обвивается вокруг моего тела... сейчас сдавит кольца, ломая кости... а потом, бездыханную, заглотиёт, как мышь или лягушку. Началось: кольца, действительно, сжались, но не стали ломать рёбра... выдернули из трещины, развернули так, что подошвы ног упёрлись в стену... кольца стали раскручиваться, вращая меня, словно волчок... Странная какая-то змея... Опускает? Нет, просто у неё где-то в стене нора, а там дюжина змеёнышей, которые будут откусывать от меня по кусочку... Не хочу!!!!!!

Задёргалась из последних сил: меня крутануло и шмякнуло головой об обледенелую стену...

... Очнулась я от сырости: подо мной была мокрая снеж-

ная каша. Лишь с третьей попытки удалось встать на ноги – глубина чуть выше пояса. До стены шагов десять, вон и трещина, сочится родничками. Как же я оказалась внизу? Змея... кольца...

Впрочем, нет, никакой змеи не было – это нить на меня намоталась, как на шпульку, а затем, разматываясь, увлекла меня за собой. Но где она сейчас? Оборвалась? И где Димка, Вадик?

Полукольцом меня окружали ледяные монстры – гиганты. Я видела лишь их груди, животы, закованные в панцири из ребристого матового льда. В воздухе чувствовалось небольшое тепло, – горячие источники рядом, – но промокшая до нитки одежда заставляла забыть о нём. Надо двигаться, быстрее, иначе превращусь в подобного ледяного монстра. Живее, ЖИВЕЕ!!! Тьфу, на тебя, как корова на льду!

Пузатый монстр-коротышка подставил мне брюхо, облепленное сосульками. Изуверская обходительность: руки скользят, сосульки обламываются и я, вновь, плюхаюсь в снежную кашу.

– Дим, Ди-ма! – ору что есть мочи, но сквозь деревенеющие губы вылетает писк младенца.

«Ма-ма-ма» – насмехаясь, дробится эхо, шуршит в обступившей толпе монстров.

«Всё, Варьке каюк... На этот раз, как пить дать...»

Я уже не в силах шевельнуть задубевшими ногами, руками, слипаются ресницы...

«Кретинка, размазня! Опустила ручки: ах, каюк, аминь Варьке, неплохая была девчонка... Дура! Вспомни историю про двух лягушек. Упали в кувшин с молоком...» – опять кто-то дундит в ухо, больно щипая мочки.

«Пошла ты... знаешь куда... Здесь не молоко...».

«Неважно, не важно... Помнишь: та, что сдалась, утонула, а та, что трепыхалась на пределе сил, сбила молоко в масло и вылезла».

«Достала! Идиотка! И трёп твой идиотский! Заткнись!!!»

Я вскинула руки в ледяных «перчатках»: заткнуть уши, что бы не слышать этот бубнёж. Но он продирался сквозь пальцы, ломая хрупкую ткань «перчаток».

«Пошла ВОН!!!» – Взмах меченой рукой и... коротышка-монстр разлетелся вдребезги, а стоящий за ним верзила развалился на две половины, обнажив красно-жёлтые гранитные внутренности. В следующую секунду я, должно быть, обезумела. Тело охватило жаром, как при высокой температуре, точно в бреду выкрикивала: «Я не лягуха!» – и крушила монстров, крушила в каменно-ледяную щебёнку. Часть её разлеталась в сторону, часть осыпалась на дно «кастрюли», в которой варилась каша с куском мяса. И это мясо – Варька... Невидимая ложка помешивала, давила комочки: каша густела, мясо выпиралось на поверхность...

И вот я стою на горбатом монстре, вокруг ещё сотни таких же. Метрах в двадцати от меня, на раздвоенной черепашке монстра лежал Вадик. Я прокладываю к нему дорожку из

щербёнки, круша монстров, словно фарфоровые статуэтки. Тело, буквально, горит, голова кажется пустым шаром, в который закачивают обжигающий воздух. Давление растёт...

«Взорвётся...» – откуда-то из дальней щёлки мышкой пискнула Варька.

Вадик был в порядке, как и Юрий на его груди. Коматозники дрыхли, что называется, без задних ног. Счастливые эгоисты... Димки нигде не видно. Ушёл к аборигенам? Возможно, только что-то слабо верится: предчувствие нехорошее...

Предчувствие не обмануло: Дима лежал сразу за глыбой, на которую уложил брата. На поверхности лишь голова и плечо. Лицо зеленоватое от корочки льда, под носом две кровавые сосульки, вместо волос красная шапочка.

Я где-то читала, что порой у некоторых людей в экстремальных условиях проявляется чудовищная сила: грузовик гружённый наехал на ребёнка – и мать переворачивает махину, как картонную коробку... Или: русская народная сказка «Безручка»...

Нечто подобное случилось со мной: наклонилась, схватила Диму за плечо и выдернула из ледяного плена, точно детскую игрушку. Положила рядом с братом. Он был жив, но жизнь в нём едва теплилась.

– Дим, Дима, Димушка! – трясла, звала, кричала в холодную бездну, куда он медленно погружался. Ни одна жилочка не дрогнула.

И я завывала, как тысяча волчиц, угодивших в капканы. Бутафорское небо приблизилось – отвратительный глаз с бельмом! – и мой вой бился об этот глаз, взрывался, осыпая округу разноцветными искрами...

Голова-шар лопнул, полыхнув пламенем...

Глава 8

... Я проснулась от шороха у изголовья. Почему-то не спешила открывать глаза, прислушалась.

Кто-то ходил рядом, мягко ступая. Тепло, пахнет чем-то кулинарным. Где-то недалеко, будто за стеной, гул. Причём, очень знакомый. Где же я его слышала? Напряглась и вспомнила. Вспомнила всё, что приключилось со мной, до той секунды, когда... лопнула голова, и полыхнуло огнём...

Открыла глаза и быстро села. Рядом никого не было, возможно, бесшумно вышли, пока я восстанавливала цепь событий. Я была совершенно голая, лишь на шее висел оберег бабы Нюры. Подо мной каменная кровать, на ней толстое меховое покрывало, такое же, но потоньше, служило одеялом.

Комната небольшая, но просторная: за счёт закруглённых стен. Потолок арочного типа. И стены и потолок отполированы, и так же разрисованы, как коридор и стены площади, увиденные глазами Упа. Пейзажи с птицами и животными. Надо сказать, художник отменный: с фотографической точностью прорисована каждая травинка, лапки букашек. Помимо картин, на стенах было несколько, похожих на дверцы шкафов, тёмных прямоугольников с выемкой вместо ручки. И, разумеется, две знакомых уже мерцающих чаши-светильники. Видимо, это от них шёл сладковатый запах, одновременно напоминавший жареную картошку, свеженарезанный

огурец и подгоревший лук. Двери как таковой не было: вместо неё завеса из камушек, нанизанных на кожаные шнуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.